

18+

Просто люби меня

Тя Лав

Mangata

Тея Лав
Просто люби меня
Серия «Просто», книга 3

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51693072

ISBN 978-5-6053682-2-9

Аннотация

Когда прошлое оставляет шрамы, а чувства путают мысли, остается только одно – просто любить.

После болезненного расставания Эйвери пытается начать все сначала: справиться с внутренними переживаниями, наладить отношения с близкими и снова научиться доверять. В жизни Эйв больше нет места для Энтони – парня, который стал частью самого сложного периода в ее жизни.

Но Энтони не исчез. Он рядом – в школе, дома, с ее младшим братом. Его появление снова нарушает хрупкое равновесие, заставляя Эйвери переосмыслить все: обиды, разрыв и то, что на самом деле значат слова «любить» и «отпустить».

Продолжение книги «Просто коснись меня» – о первой любви, ошибках, семье и праве быть услышанным.

Содержание

Плейлист	5
Глава 1	6
Глава 2	25
Глава 3	37
Глава 4	52
Глава 5	66
Глава 6	80
Глава 7	89
Конец ознакомительного фрагмента.	93

Тея Лав

Просто люби меня

Книга вторая

© Т. Лав, текст, 2025

© Издание на русском языке, оформление издательство
«Мангата», ООО «Норгис-пресс», 2025

Плейлист

Dead by Sunrise – Too Late
Billie Eilish & Khalid – Lovely
Linkin Park – Valentine’s Day
Linkin Park – Sorry for Now
Соверзон – Космический кит
Halsey – Ghost
NF – Paralyzed
Linkin Park – Waiting for the End
Twenty One Pilots – The Hype
Halsey – Colors
Badfinger – Baby Blue

Глава 1

Энтони

Ноэль:

Я скоро приеду домой.

Смотрю на уведомление и несколько раз читаю сообщение.

Примерно час назад я вернул Ноя домой и не увидел там Эйвери. Хелен поблагодарила меня, затем я приехал домой и сразу же отправил Ноэлю видео с Ноем. Мы обсуждали его брата, команду, нашу школу и новую школу Ноэля, пока речь не зашла о другом. Я решил записать голосовое сообщение и все пересказать Ноэлю. Весь наш сегодняшний разговор с Эйвери. Я не знаю, правильно ли поступил. Есть ли в моих действиях хоть что-то разумное? Или я не должен вмешиваться? Но мое желание помирить их заглушает весь здравый смысл.

Ноэль слишком долго молчал. Я начал волноваться, но он ответил лишь одним предложением: *«Я скоро приеду домой»*.

В этом есть смысл. Значит, все будет в порядке. Да, все когда-нибудь будет в порядке.

Но в голове все еще вертится последняя фраза, брошенная Эйвери. Сегодня ею было сказано так много, но я зацепился лишь за одно. «*Забудь. Просто забудь меня*». Она была так уверена в своих словах.

Просто взять и забыть Эйвери, которую я оставил, ведь она теперь совсем другая.

* * *

Эйвери

Я обо всем рассказала доктору Бордману.

Обо всем.

И дело даже не в том, что я чувствовала на тот момент, а в том, что не затыкалась около пятнадцати минут. Наверное, так и должно было случиться из-за всех событий, которые создали слишком много хаоса в моей голове. Я бы сказала, бурю после длительного штиля.

В тот же день я поехала к маме, мы посмотрели какой-то глупый фильм, а затем она чуть ли не умоляла меня поехать с ней на скаутскую ярмарку, которая проходит за пределами города. Меня не впечатляла такая перспектива, поэтому я отказалась, сославшись на уроки. Там даже мобильная связь едва ловит. Маме нравятся такие шумные мероприятия, к

тому же ей скучно в Досон-Крик, она уже успела привыкнуть к жизни большого города. Я смогла уговорить ее поехать на ярмарку одной, а меня высадить по пути.

Дома полнейшая тишина, что бывает крайне редко. Папа в командировке, Хелен на работе, Ноя тоже нет. Я даже не знаю, где мой младший брат. Тренировки у него нет, так что он может быть с Хелен в школе. Не в силах сидеть в четырех стенах, спускаюсь в гараж к своей машине.

После разговора с доком мне стало легче. Но сейчас, когда меня снова окружают стены, которые пропитаны нашими криками и смехом, и когда я снова среди них одна, чувствую тошноту. Глупо, что все это я выплеснула на Энтони. Я видела в его глазах и на лице полное замешательство. Похоже, он действительно всего лишь хотел взять Ноя с собой на каток, а я устроила истерику, предположив, что брата в очередной раз боятся оставить со мной.

Стыд съедает изнутри. Нас теперь ничего не объединяет, мы расстались, и мне было больно, и лишь поэтому совершенно не хочется обнажать перед ним свои чувства. Только не перед ним. Меня приводит в замешательство то, как он искренне старается поговорить со мной. Жалость, которую я видела в его глазах еще осенью, теперь сменилась твердой настойчивостью. И я ненавижу себя за то, что начинаю сдаваться.

Я понимаю, он не сделал мне ничего плохого. У меня нет повода ненавидеть Энтони, но и подпускать его близко я то-

же не хочу. Слишком быстро.

Сажу в «Тахо», водю пальцем по пыльной приборной панели. Открыв бардачок, нахожу тряпку и вытираю ее. Бардачок забит хламом, среди которого мои резинки для волос, коробка от краски, просроченный тонирующий шампунь, мелочь, фантики от конфет и... Нащупав шуршащий квадратик, я с некоторым изумлением тарашусь на презерватив.

Да, они мне были необходимы. Точнее нам.

Если учесть, что, кроме Энтони, у меня никого не было, то нормально помнить каждый его вздох, каждое прикосновение и при этом испытывать теплые чувства. И я сразу же задаюсь вопросом: был ли у него секс с кем-то после нашей разлуки? Было ли у них что-то с Ингрид?

Эти мысли оставляют неприятный осадок, пока я очищаю бардачок от ненужного хлама. Вообще не знаю, зачем это делаю: может, чтобы просто в очередной раз убить время.

Выбросив мусор и вернувшись в машину, сжимаю руль и смотрю на ворота гаража. Это всего лишь машина. Всего лишь машина.

В горле стоит ком, но я игнорирую это. Открыв гараж, устраиваюсь в кресле и поворачиваю ключ. Я вставила его в зажигание, когда только села, но даже не думала заводить машину. Но теперь слышится странное клацанье стартера, затем оживает двигатель. Что-то снова стучит.

К черту все. Жму на педаль газа и медленно выезжаю из

гаража.

Несмотря на то, что время около четырех, небо уже кажется слишком темным. Тяжелые тучи нависают над Досон-Крик, предупреждая о снеге, без которого в принципе сложно представить Рождество.

Рождество.

Ноэль приедет домой. Папа звонил мне вчера, но мы об этом не говорили. Мама тоже не рассказала о предстоящем визите брата.

Мне придется на несколько дней остаться у мамы, я боюсь выбить Ноэля из колеи своим присутствием. Мы все равно увидимся, и будь что будет.

Думаю обо всем этом, пока медленно веду «Тахо» по пустой улице. Руки немного трясутся, так как я давно не водила машину. Еще и *эту*. Между водительским и пассажирским креслами лежит открытая пачка чипсов. Они давно зачерствели, но я все равно их грызу, заполняя тишину в салоне хрустом. В нем есть что-то обыденное, довольно обычное. Словно я – это я, никогда не творившая глупостей. Все та же я веду «Тахо», ем чипсы и думаю обо всем на свете. Обо всем, что приходит в голову.

Я наконец-то дала простор своим мыслям. Любым. Плохим, хорошим, неприятным.

Боже, я так долго их блокировала.

Позади кто-то раздраженно сигналит. Горит зеленый, а я все еще стою. Почему-то это вызывает у меня улыбку. Под-

давшись непонятному порыву, я нарочито медленно опускаю сцепление. Водитель снова нетерпеливо сигналист, а я смеюсь, откинувшись на сиденье, и все же трогаюсь с места.

Проехав мимо нулевой отметки, которой славится наш город, я слишком быстро оказываюсь за его пределами. Позади остаются лишь парки, магазины, жилые дома. «Тахо» едет вниз по склону в сторону ферм. Сухая трава по обеим сторонам дороги становится одним сплошным желтым морем, местами присыпанным тонким слоем снега.

Открываю окно, и в салон врывается ветер, который сразу же начинает трепать волосы. Но я все равно продолжаю улыбаться.

Даже когда пальцы начинают коченеть от декабрьского воздуха, продолжаю ехать с открытым окном. Старый покосившийся знак с правой стороны дороги, мимо которого я проезжаю, вызывает у меня очередной веселый смешок. На знаке написано «Ферма Хиттера». Именно здесь стоял этот самый «Тахо» до того, как Ноэль и Энтони притащили его в наш гараж.

Как хорошо, что меня сейчас никто не видит. Наверняка я похожа на сумасшедшую. Но не такую, которая молчит, хмурится и ходит к психотерапевту. А на ту, у которой безумные глаза и нервный, но в то же время искренний смех, больше напоминающий смех гиены. Да, я слышала его по «Дискавери». И он в точности такой же, как сейчас у меня.

В поле зрения попадает водонапорная башня бордового

цвета. Хотя теперь уже сложно определить цвет из-за облупившейся краски, но я еще помню ее бордовой. И именно в этот самый момент, когда проезжаю мимо башни, «Тахо» как-то странно дергается. Стук подо мной становится более громким.

Сбавив газ, сворачиваю на обочину, и как раз вовремя. «Тахо» еще пару раз дергается и замирает.

Прекрасно.

Выждав еще несколько секунд, я вновь и вновь поворачиваю ключ, но слышу лишь слабые попытки двигателя заработать.

Не могу поверить, что оказалась в такой нелепой ситуации. И все это за пределами города, между фермами, где вероятность наткнуться на кого-либо в такое время суток крайне мала.

Вдобавок ко всему на мне нет куртки, а из-за открытого окна салон давно остыл. На мне только черная растянутая кофточка крупной вязки, а на улице температура заметно опускается, так как день близится к вечеру.

Выйдя из машины, я оглядываюсь, но, кроме далеких крыш амбаров и сараев фермы, ничего не вижу. Открываю капот, как обычно делают люди, когда их машина внезапно глохнет. Но проблема еще и в том, что я ни черта не смыслю в машинах. Глядя на внутренности «Тахо», прикусываю губу.

Бессмысленно, я ничего не понимаю. Поэтому закрываю

капот и возвращаюсь в машину. Около минуты у меня уходит на поиски какой-нибудь одежды, но здесь ничего подобного нет. Наверное, стоит вызвать эвакуатор, но, зная этих нерасторопных ребят, я замерзну здесь насмерть, пока дождусь. Просто нужно, чтобы кто-нибудь меня забрал отсюда, а обо всем остальном можно позаботиться после того, как согреюсь.

Несмотря на глупую ситуацию, в которой я оказалась, фортуна все же была на моей стороне. Прежде чем выйти в гараж, я засунула в карман джинсов мобильный. Даже не знаю зачем. По старой привычке, наверное.

Мама вне зоны доступа. Черт. Идиотские скауты со своей ярмаркой. Кто вообще проводит ярмарку зимой за пределами города, где едва ловит связь? Возможно, у мамы рано или поздно появится сигнал, но меня уже колотит от холода.

Изо рта валит пар, когда я дрожащими пальцами просматриваю контакты. Хелен сегодня преподает в вечерней школе и закончит примерно через час.

Телефон звонит, и я моргаю несколько раз, чтобы убедиться, что мне не мерещится. На экране – фотография Энтони, сделанная в Снэпчате. У него широкая улыбка, а над рыжими волосами – ореол из розовых сердечек. Я ничего не меняла с тех пор, как мы расстались.

Почему он мне звонит? То есть... неужели после нашей стычки ему еще что-то от меня надо? Честно, я полагала, что после того, как едва не разрыдалась перед ним и обвинила в

том, о чем он и понятия не имел, Энтони оставит попытки сблизиться со мной.

И мысли об этом не приносили мне должного облегчения.

Но вот его номер, его фото. Энтони звонит мне прямо сейчас, когда я мерзну одна на пустой дороге и отчаянно нуждаюсь в помощи.

«Ответь же!»

Палец скользит по зеленому ярлычку, и я подношу телефон к уху. Сначала Энтони молчит, так как я тоже ничего не говорю. Я просто ответила на его звонок.

– Эйв? – наконец произносит он.

– Да, – стуча зубами, говорю я.

– Честно, не думал, что ты ответишь.

«А я не думала, что ты позвонишь».

– Я бы, наверное, и не ответила, – честно признаюсь ему.

Если бы сейчас была дома или где-нибудь в любом теплом месте, то точно не взяла бы трубку.

Энтони молчит, видимо, ожидая продолжения. Ведь у меня должно быть объяснение, *почему* я все же ответила. Но, так как я его не озвучиваю, Энтони не уточняет.

– Мы тут с Ноем приехали с катка, а у вас никого нет.

Он снова брал брата кататься?

– Хелен сказала привезти его обратно, так как ты должна быть дома, поэтому... – Он тихо прочищает горло.

То, что он называет Хелен за пределами школы просто по имени, кажется таким родным. Вот оно что. Прикрываю

глаза и хватаюсь за переносицу свободной рукой. Наверное, я все выдумала. Ной действительно просто хочет кататься с Энтони и учиться у него чему-нибудь, так как Ноэль уехал, а отец постоянно на работе. Еще и я постоянно с поникшей головой, злющая на весь мир.

Да, его не оставляли со мной надолго, но это не вписывается в текущую ситуацию.

Я зря сорвалась на Энтони. Стыд и смущение возвращаются с новой силой.

– Да... я... мне нужно было выйти, – запинаясь, бормочу в телефон.

– Хорошо, мы подождем. Я никуда не спешу.

– Вы в доме?

– Да, Ной знает, где ключ.

Конечно, знает.

«Просто скажи ему, что тебе нужна помощь. Это ведь так просто».

– Отлично.

Между нами возникает пауза. Так непривычно вновь слышать его голос из динамика телефона. Кажется, это было так давно.

У меня стучат зубы, когда я снова повторяю «отлично». Энтони это замечает.

– Ты в порядке?

– Вообще-то нет, – выдохнув, говорю я.

– Где ты? – Голос Энтони становится настороженным.

– Застряла на дороге за фермой Хиттера.

– Застряла?

– Эм, ну, я решила прокатиться на «Тахо», и он заглох.

Не знаю, чем я сильнее сейчас шокировала Энтони: тем, что дружелюбно сказала, где нахожусь, или тем, что завела «Тахо».

– Вау, – невнятно произносит Энтони. – И как долго ты там стоишь? – Но не дает мне ответить, продолжая: – Мы скоро приедем, хорошо?

В его голосе слышна надежда. Будто он боится, что я откажу или огрызнусь, как обычно.

– Хорошо, – тихо отвечаю ему. – Я прямо напротив водонапорной башни.

– Скоро буду.

Энтони отключается, а я все еще смотрю на телефон. Затем убираю его в карман и ниже натягиваю рукава кофточек, пытаюсь согреть руки. Проблема в том, что от этого движения открывается часть ключицы, отчего мне становится намного холоднее. Я даже не попросила захватить для меня куртку.

«Форд» Энтони появляется на горизонте слишком быстро, я еще не успела настроиться. Дую на окоченевшие руки и выхожу из машины, когда он останавливается позади «Тахо».

На его лице едва заметная улыбка, когда он смотрит на собранный своими же руками «танк», как мы его называли.

– Как давно ты здесь? – интересуется Энтони, подходя ко мне.

Сердце бьется так сильно, но я не могу понять почему. Грубить ему было намного проще.

Смотрю на «Форд» за его плечом.

– Где Ной?

– Я завез его к себе, он с моей мамой, – с улыбкой отвечает Энтони. – Она печет печенье.

Все слишком быстро меняется. Разве могла я еще пару недель назад представить или даже подумать, что заведу «Тахо»?

Или что буду стоять напротив Энтони, который с улыбкой скажет, что мой младший брат у него дома с его мамой?

Боюсь, я просто не успеваю адаптироваться.

– З-здорово, – отвечаю ему.

Энтони наконец замечает, что меня трясет. Он снимает куртку и набрасывает на мои плечи.

– Садись в машину, я посмотрю, что с «танком», пока не стемнело.

Его запах атакует меня, когда надеваю куртку и послушно иду к «Форду». В машине этот запах усиливается в тысячи раз. Здесь все как прежде. В салоне тихо играет *Dead By Sunrise*¹ «*Too Late*», чему я нисколько не удивлена.

Сегодняшние слова доктора Бордмана едва ли не впервые

¹ Сольный проект вокалиста рок-группы Linkin Park Честера Беннингтона, основанный в 2006 году.

за все время, что я хожу к нему на сеансы, осели в голове.

«Мы должны научиться отпускать боль и разочарование. А оставшаяся после них тихая тоска не должна превращаться во что-то большее. Это нормально иногда жить с плохими мыслями. Нормально порой думать о плохом. Иначе никак. Нет ни одного человека, который бы вечно грезил о счастье и не задумывался о чем-то противоположном. Главное, чтобы не стало слишком поздно. Важно отпустить эти мысли так быстро, насколько можешь, чтобы они не успели причинить боль тебе и твоим близким».

Я в свое время не успела их отпустить.

Энтони все еще возится с «Тахо», и я едва вижу его за мощной машиной и поднятой крышкой капота. Как я могла оказаться вот так в его куртке и в его же машине?

Это ведь просто случайность. Случайность. Это мог бы быть Роб, если бы Ной катался с ним, верно? Роб ведь тоже друг Ноэля.

Музыка все еще играет, я постепенно отогреваюсь и растекаюсь по пассажирскому креслу. Хочу снять куртку, так как испытываю смешанные чувства, но боюсь, что снова замерзну.

Энтони выпрямляется во весь рост и машет, чтобы я подошла. Выхожу из машины и иду к «Тахо». Энтони с закатанными до локтей рукавами черной толстовки указывает на двигатель.

– Довольно рискованно ездить без масла в двигателе. –

На его губах снова улыбка, один уголок рта приподнят выше другого.

Мне снова хочется издать свой недавний ужасный смех гиены. Но я сдерживаюсь.

– Даже не подумала об этом.

– Хорошо, что ты не уехала далеко, – говорит Энтони и проходит к своей машине.

Он открывает багажник и копается в нем, затем возвращается с канистрой и какими-то запчастями.

– Это займет время, можешь вернуться в машину.

Его голос так осторожен. Энтони словно боится меня спугнуть. Наверное, так и есть, но это ненормально. Мне некого винить, кроме себя.

Он смотрит на свою куртку на мне, затем отворачивается к «танку». Я все же остаюсь на месте и наблюдаю за его движениями. Почему мне кажется, что прошли годы с тех пор, как он точно так же стоял над этой самой машиной в нашем гараже?

– Тебе не кажется странным, что она заглохла недалеко от фермы Харви? – не переставая работать, интересуется Энтони.

До меня доходит не сразу. «Ферма Хиттера». О боже, точно!

– Наверное, скучает по дому, – отвечаю я.

Энтони поднимает голову и ждет моей реакции. Я поджимаю губы в слабой улыбке. Но он улыбается намного шире.

Мы больше не разговариваем. Возможно, мне стоит поинтересоваться, как они проводят время с Ноем. Но я все еще опасаясь говорить с Энтони. До сих пор не понимаю, как чувствую себя рядом с ним, и пока не выясню, мне стоит держаться в стороне.

Энтони тоже молчит. Когда все сделано, он просит меня вернуться в салон «Тахо» и попробовать завести. Машина поддается со второго раза.

– Если хочешь, могу поехать на «танке», – предлагает Энтони.

Я качаю головой.

– Нет. Мне хотелось на нем прокатиться, так что поеду сама.

Он кивает и возвращается в «Форд».

До города я веду уже не так уверенно. Остановив «танк» у обочины дома Энтони, выхожу из машины. Энтони паркуется напротив гаража.

Когда он выходит, я с бьющимся в горле сердцем подхожу к нему.

– Спасибо.

Он смотрит на меня так долго, что стало неловко. Я отвожу глаза.

– Я не встречаюсь с Ингрид, – внезапно говорит Энтони.

Даже не знаю, как реагировать на его неожиданное признание. Я уже привыкла к мысли, что между ними что-то есть, так что даже не планировала поднимать эту тему.

Да о чем я вообще? Я и не планировала что-то с ним обсуждать!

– Просто хочу, чтобы ты это знала, – продолжает Энтони, подняв голову к небу.

Солнца не было весь день, так что из-за туч вечер кажется еще темнее. Но все равно еще достаточно светло, чтобы заметить пристальный и напряженный взгляд Энтони. Его челюсти сомкнуты, губы сжаты. Он стал выглядеть взрослее за это время.

Даже не знаю, что ему ответить.

– Ты видела нас вместе, но мы просто общаемся. Или общались, уже не знаю.

– Энтони, я...

– Да, тебе все равно, – не дает мне договорить Энтони. – Понимаю. Но мне важно, чтобы ты это знала, хорошо? У меня ничего нет с Ингрид. И не было.

Облегчение. Наверное, это самое подходящее слово, которым можно описать мои чувства на данный момент. Если до этого я была уверена, что меня и впрямь это не волнует, то в глубине души обида съедала изнутри. И дело даже не в том, что я все еще могу что-то испытывать к Энтони. Насчет этого я не уверена, так как с чувствами у меня проблемы. Дело в том, что так неправильно. Сначала Ингрид разорвала нашу дружбу, затем Энтони не захотел встречаться со мной, а потом вдруг я увидела их вместе. Предательство. Так это называется.

Но эти слова дарят мне облегчение. И я верю ему, потому что все же знаю Энтони.

Мы так и стоим на подъездной дорожке, глядя друг на друга. Тишину вдруг нарушает Ной, выбегая из дома.

– Эйви! Ты завела «танк»!

Я улыбаюсь ему и, наклонившись, даю пять.

– Так точно, парень.

Он открывает пассажирскую дверь и заползает на сиденье.

– Не так быстро, – с нарочитой строгостью произносит Энтони.

Он уходит к своей машине и возвращается с автокреслом. Я слышу стон Ноя.

– Закон есть закон. – Проходя с креслом мимо меня, Энтони добавляет: – Это из машины Хелен.

Наблюдаю за тем, как мой бывший парень устраивает в кресле моего младшего брата. И как мы только оказались в подобной ситуации?

Когда Энтони снова подходит ко мне, то смотрит себе под ноги.

– Я могу посмотреть «танк», когда будет время. Там дело не только в масле.

Не думаю, что я снова сяду за руль «Тахо». Это был единственный случай. И не думаю, что смогу легко общаться с Энтони и дальше. Слова про него и Ингрид принесли мне облегчение, да, но это мало что меняет.

Похоже, Энтони и сам это понимает, взглядываясь в мое лицо. Наверняка я кажусь ему отрешенной.

– Хорошо, тогда скажи, если понадобится, ладно?

Я не киваю.

– Спасибо, что помог сегодня. – С этими словами залезаю в машину и уезжаю.

Хелен уже дома и появляется в дверях кухни, когда мы заходим. Она немного ошарашенно смотрит на ключи в моей руке и куртку, которую я забыла вернуть Энтони. Хелен тоже кажется другим человеком. Или дело во мне? Ведь это я стала смотреть на нее по-другому.

Она ничего не говорит на этот счет, словно давая понять, что так и должно быть. Что куртка парня на мне и ключи от машины в руке – это нормально для девушки моего возраста. Будто ничего и не было. И во второй раз за вечер я чувствую облегчение.

– Мойте руки – и за стол, – приказывает Хелен.

Ной скидывает с себя одежду по пути на кухню и бежит за матерью, рассказывая ей обо всех сегодняшних приключениях. Я собираю за ним вещи, бросаю их на диван и поднимаюсь в свою спальню. Все еще сидя в куртке Энтони на кровати, отвечаю на мамин звонок и убеждаю ее, что все расскажу, как только поужинаю с Хелен и Ноем и приеду на ночь к ней.

Упав на кровать, изучаю потолок и прокручиваю в памяти прошедший вечер. И впервые за долгое время ощущаю без-

мятежность. Это обычный вечер обычной девушки.

Все хорошо. Или *будет* хорошо.

Глава 2

Энтони

Роб нетерпеливо трясет ногой весь урок тригонометрии. Мне приходится слишком громко вздохнуть, чтобы он прекратил, но в ответ Роб лишь меняет одну раздражающую привычку на другую: начинает щелкать ручкой. Когда урок наконец-то заканчивается, мы подрываемся со своих мест и вылетаем в коридор.

– Нам должны отменять уроки на время игрового сезона, – бурчит Роб, шагая по переполненному учениками коридору.

Я едва успеваю за ним, посмеиваясь.

– Ты серьезно?

В ответ друг бросает на меня хмурый взгляд.

– Серьезно.

– Ты чего такой нервный? – спрашиваю я.

Роб качает головой.

– Брат хочет, чтобы я подождал с колледжем.

Я резко останавливаюсь и хватаю его за плечо. Роб опускает глаза.

– Почему? – спрашиваю слишком напористо.

Почему-то я уверен, что ответ мне не понравится. Каждый раз, когда встречаюсь с его старшим братом, Джимом, то все больше убеждаюсь в том, что он имеет слишком уж большую власть над Робом. У меня нет старших братьев или сестер, но я способен увидеть разницу между уважением и полной покорностью. К сожалению, Роб больше склоняется ко второму.

– Маме уже не станет лучше, – тихо отвечает Роб, оглядываясь. Весь его вид говорит о том, что он не хочет это обсуждать, но наверняка у него многое накопело.

Я не сразу нахожусь с ответом. В семье Роба не все гладко. Его мама тяжело больна уже несколько лет. Отца он не знает. Джим был главой семьи все это время, начав рано работать, чтобы ухаживать за матерью и младшим братом.

Мы медленно идем в сторону раздевалок, лишь изредка обмениваясь репликами со знакомыми.

– Мне жаль, – наконец выдаю я самую глупую вещь.

Роб лишь пожимает плечами.

– Джим сказал, что накопил сумму, которая позволит нанять для мамы постоянную сиделку, чтобы мы вместе могли уехать летом в Монтану.

Мне не удастся скрыть тяжелый вздох. Все разъедутся по колледжам, остаток лета, по сути, должен стать для нас самым отвязным. Но Робу придется ехать на тяжелую работу, чтобы получить возможность попасть в колледж хотя бы в следующем году.

– Все нормально. – Роб замечает мой взгляд и, не желая становиться объектом жалости, слишком фальшиво улыбается. – От Грейтс-Фолс до Эдмонтона всего восемь часов езды.

Я выдавливаю улыбку.

– Ага, точно.

– Ты уже окончательно решил с Эдмонтоном? – интересуется Роб.

Какое-то время раздумываю, прежде чем кивнуть. Я подал заявки в несколько колледжей, но мои планы были намечены лишь на один, в который уже передумал ехать.

– Да, – решительно отвечаю я.

– Отец все еще злится?

Я беспечно отмахиваюсь.

– Он смирится.

Роб кивает, а затем наваливается на меня всем весом.

– Ладно, хватит ныть, пора надирать задницы Пос-Кауп.

Мы снова делаем вид, что все хорошо, что проблемы ничего не значат. Главное – натянуть улыбку пошире, и никто не увидит твои шрамы.

* * *

В отличие от предыдущих игр, сегодня парни собраны. В последнее время игроки перестали осознавать важность местных соревнований и совершенно не воспринима-

ли местную лигу всерьез. Что очень глупо. Потому что даже на подобных матчах есть шанс встретить скаута. Этот шанс мал, но он есть. Именно по этой причине Ноэль уехал, и теперь его ждет карьера в НХЛ.

Но тем не менее азарт от игры не отнимешь. Мы с парнями легко раскатываем Пос-Кауп со счетом 5:1 и с шумом заваливаемся в раздевалку. Тренер тут же появляется за нами.

– Неплохо, – заявляет он, хлопнув в ладоши.

– Неплохо? – возмущается Кент, отбрасывая в сторону перчатки.

– Остуди пыл, – невозмутимо смотрит на него тренер Уолби. – Вы бегали по льду, как дети, и вели себя точно так же. У вашего соперника слегли два основных форварда² и один защитник, а вы над ними поглумились. Ладно, все, живо освобождайте раздевалки, балбесы! И будьте осторожны, не шляйтесь где попало и не приходите на тренировку, если плохо себя чувствуете. Не хватало еще, чтобы вы разом свалились с гриппом.

С этими словами тренер выходит, оставляя нас в не самых веселых размышлениях. Вкус победы пропал, как только нам напомнили, что соперник был не в лучшем составе.

– Похоже на эпидемию, – бурчит Роб, снимая наплечники.

– Да нет, – смеется Бретт. – Их бы не пустили на выездную игру.

Начинается спор, сопровождаемый смехом, пошлыми шу-

² Игрок передней линии, нападающий.

точками и подколами. Я принимаю душ за пять минут, как и почти все парни. Мы стоим в одних полотенцах и обсуждаем последнюю игру «Далласа» с «Калгари».

– Первая шайба была сразу от лидеров.

– «Даллас» в этом сезоне лучше.

– Брехня. То же место в таблице, что в прошлом и позапрошлом годах. – Бретт сразу же вступает в спор с Робом.

– Не гони!

– Посмотрим, доберутся ли они до плей-офф³. – Роб отмахивается и подходит к своему шкафчику.

– Посмотрим, что будет с твоей задницей, когда до нее доберется моя нога!

– Успокойся, дамочка, не напрягайся.

– Эй, парни, зацените! – Кент, перекрикивая спор, запрыгивает на лавку и демонстрирует свой телефон.

– Что там? – интересуется кто-то.

– Тим Монро выложил фото с Софи Пейдж.

Некоторые невозмутимо переодеваются дальше, так как не заинтересованы в школьных сплетнях, а кто-то ухмыляется, услышав новости.

– Ну, парню повезло, – хмыкает Бретт, сбрасывая полотенце. – Она умеет...

– И что же она умеет? – раздается женский голос, и все

³ Решающая стадия хоккейного сезона, на которой команды встречаются друг с другом. Победитель продвигается на следующий этап, а проигравший выбывает из соревнования.

парни затыкаются.

Бретт прикрывает нижнюю часть тела.

– Черт, детка, как ты сюда попала?

Парни поспешно прикрываются и ржут над Бреттом, когда Кара подходит к нему вплотную.

– Это не так тяжело. Так что там умеет Софи?

Я стою прямо рядом с ними и, слава богу, успел натянуть штаны до того, как вошла Кара. Лицо Бретта медленно краснеет.

– Ничего, – отвечает он, стараясь выглядеть невозмутимо. – Она бегала за Ноэлем, он мне рассказывал.

Все хмыкают, прекрасно понимая, что это ложь. Хотя часть про Ноэля – правда, репутация у Софи незавидная. Но мне, если честно, все равно, я ее плохо знаю.

– Кара, детка, – говорит Бретт. – Брось.

Она одаривает его своим фирменным презрительным взглядом, и у меня вырывается смешок. Грозный взгляд Кары резко направляется в мою сторону. После нашего разговора в библиотеке прошло уже достаточно времени, но я помню каждое ее слово, брошенное мне в лицо. Она словно видит меня насквозь, поэтому мне слишком сложно с ней говорить.

– Поторопись, – фыркнув, заявляет Кара, глядя на меня. – Тебя уже ждет твоя девушка.

После этого она уходит, не дав мне даже возразить. Бретт стоит, прислонившись к шкафчикам, и поворачивает голо-

ву в мою сторону. На его лице уже нет и следа прежнего бахвальства.

– Знаю, она у меня с характером, – со вздохом заявляет он.

– Да уж, – сквозь зубы цежу я и быстро натягиваю толстовку.

Спустя десять минут мы все выходим на улицу и, как обычно, собираемся в «Маки». Когда вижу Ингрид рядом со своей машиной, у меня резко пропадает желание куда-либо ехать. При этом я чувствую за это вину, ведь Ингрид ничего плохого не сделала. Но ее становится слишком много в моей жизни.

Шагая к машине, краем глаза замечаю Кару и Бретта. Кара, не скрывая недовольства, смотрит на меня. Еще и это...

Я все понимаю, но... Черт, почему она так давит на меня? Я ведь не могу послать Ингрид безо всякой причины.

– Привет. – Ингрид улыбается, когда я подхожу.

– Привет. – Достаю ключи из кармана и жму на кнопку, чтобы разблокировать машину.

– Здорово сыграли.

Я качаю головой и отмахиваюсь.

– Да нет, просто у парней из Пос-Кауп не было трех отличных игроков, вот мы и выиграли.

Ингрид внимательно смотрит на меня.

– У тебя все в порядке?

Мне сложно сдержаться. Наверное, у меня не все в порядке, в голове слишком много мыслей. Думаю обо всем и не

могу толком разобраться в себе. Хочется все прекратить, да вот только я даже не понимаю, что именно. Ведь ничего не происходит. И как мне объяснить все девушке, которая стала частью этого хаоса?

– Нет, все нормально, Ингрид, – в итоге отвечаю я, проходя мимо нее к водительской двери.

Она оборачивается и смотрит на меня с обидой. Ее темные волосы завиты в крупные кольца, и, несмотря на ветер, на ней нет шапки.

– Ты избегаешь меня, – с упреком говорит Ингрид. – Знаю, мы вроде как все обсудили, но... – Она подходит ближе. – Я не понимаю, что сделала. Мы могли хотя бы общаться.

Провожу ладонью по лицу. Боже мой. Быть может, я слишком переоцениваю себя, но мне кажется, ей всегда будет мало одной только дружбы. К тому же Кара раскрыла мне глаза, и я посмотрел на ситуацию под другим углом. Нет, так тоже ничего не выйдет.

– Ты ничего не сделала, Ингрид. Извини.

Я даже не знаю, за что извиняюсь.

На ее лице появляется раздражение. Ветер снова ерошит ее волосы, и тут я замечаю розовую прядь с левой стороны. Она не завита в отличие от остальных темно-каштановых волос. Это просто прядь волос. Розовых волос. Но во мне что-то щелкает.

Ингрид замечает мое пристальное внимание к своим во-

лосам, и раздражение сменяется робкой улыбкой.

– Решила немного поэкспериментировать. Как тебе?

Она вольна делать со своими волосами все что угодно. Тогда почему я не нахожу, что ответить? Проклятье, это всего лишь прядь волос.

– Тебе идет, – быстро отвечаю и открываю дверцу машины.

Я знаю, Ингрид ждет, что предложу ей поехать со мной. В другой ситуации так бы и сделал, но я устал пытаться быть хорошим парнем. В конце концов, у меня тоже есть чувства, с которыми я никак не могу разобраться.

Поняв, что я не собираюсь приглашать ее, Ингрид отступает от моей машины на пару шагов. Она смотрит на меня с такой злостью, будто прямо сейчас вцепится мне в лицо. Похоже, я совсем не знаю эту девушку.

– Мне тоже сделать это? – В ее голосе слишком много яда.

Застываю, пристально глядя на нее. Она ведь не станет говорить то, о чем я думаю?

– Может, тогда ты наконец обратишь на меня внимание?

Выпрямившись, я качаю головой.

– Тебе не нужно быть кем-то, чтобы понравиться другим.

Я понимаю, что у Ингрид свои проблемы и она отчаянно ищет выход. Но нельзя ведь наступать кому-то на горло, чтобы его найти. Не нужно притворяться, не нужно навязываться. Она мне нравилась, когда была самой собой. *Если* она ею была.

– Мисс популярность, мисс изгой, – продолжает Ингрид. – Что бы она ни делала, всегда в центре внимания. Что ж, быть может, мне тоже стоит примерить на себя роль суи...

– Заткнись! – Молниеносно приближаюсь и смотрю на нее сверху вниз.

Ингрид выглядит испуганной. Наверняка не ожидала от меня такой реакции. Зато теперь понятно, что ни о какой дружбе с ней не может быть и речи. Меня колотит. Я так зол, что готов сделать любую глупость.

– Ингрид, тебе лучше уйти.

Сквозь шум в ушах слышу голос Роба. Он, Бретт и Кара стоят позади Ингрид и видят, в каком я состоянии. Не знаю, в какой момент они подошли, но уверен, что слышали достаточно.

Ингрид сжимает губы в тонкую линию и отходит от меня. Кара появляется рядом с ней и качает головой.

– Ты сама роешь себе яму.

Жду, что Кара посмотрит на меня взглядом «я же тебе говорила», но она этого не делает. Сомневаюсь, что я бы выдержал.

Ингрид быстро уходит, по пути задев плечом откуда-то появившуюся Розали. Та смотрит на удаляющуюся Ингрид, затем на всех нас. Я не хочу думать еще и об этом, но теперь мне становится искренне жаль, что они помирились.

– Едем? – стараюсь снять напряжение, с улыбкой интересуется Бретт.

– Я пас. Увидимся в школе, – отвечаю ему и быстро залезаю в машину.

Приехав домой, иду напрямиком в гараж. Я зол. Очень-очень зол. Своими мерзкими словами Ингрид не только разочаровала меня, но и разбудила во мне того, кого я так старательно прятал.

К черту все это!

Неправильно, что кто-то пытается казаться тем, кого ненавидит, лишь для того, чтобы понравиться. Неправильно, что кто-то, почувствовав себя одиноким, решается на самый отчаянный шаг. Неправильно, что мы игнорируем, прячемся и делаем вид, что все в порядке. Ничего не в порядке!

Все слишком сложно. Я не могу справиться с тем, что коплю в себе так долго. И Эйв не могла. Боже, она просто не справилась, а я бросил ее именно в тот момент, когда у нее никого, кроме меня, не осталось.

Со всей силы пинаю раскладной стул. Он отлетает в другой угол гаража и складывается. Хватаю его и ударяю о стену. Под пальцами жалобно скрипят ножки. За стулом летит ящик с инструментами. Толстая пластмасса от удара лопается, и все содержимое с ужасным грохотом летит на пол.

Но не обращаю на это никакого внимания. Во мне все еще кипит гнев. На глаза попадается лопата для снега, которая тоже летит в стену. Я словно обезумел. Пачкая толстовку маслом, сметаю рукой с полки разный грязный хлам и смотрю на беспорядок, который устроил.

Резко становится тихо. Слышу лишь собственное сбивчивое дыхание. Подойдя к стене, сползаю на пол и опускаю голову между согнутыми коленями. Таким и находит меня мама, когда открывает двери гаража. Сложно было игнорировать такой шум. Его наверняка слышали даже соседи.

– Энтони, боже, что случилось? – Она подходит ко мне и присаживается рядом. Затем хватает меня за подбородок. – Энтони?

Я смотрю на нее, стараясь держаться. Быть мужчиной, как учил отец.

– Ты была права, мама, – с трудом выговариваю я. – Это отразилось на мне. Слишком сильно.

От признания мне не становится легче. Я полагал, что смогу все исправить. Но как, если я не в силах справиться с самим собой?

Глава 3

Эйвери

Быть невидимкой в школе – совсем не плохо. За последние месяцы новой жизни я уже с этим смирилась, меня все устраивало. Так было удобно для всех.

Но теперь я снова чувствую на себе взгляды. Может, это из-за моих тусклых волос? Нужно купить краску, и мама обещала, что найдет мою любимую. Темные корни слишком отросли, а оставшаяся длина потускнела.

Мне не нравится то, что я вижу в зеркале.

Да, я смотрю в зеркало. Снова. Иногда. Не чаще раза в день.

За мной наблюдают. Энтони, Роб, Кара, даже Ингрид.

Кара больше ко мне не подходит, да я и не жду. Но вижу, что она словно чего-то ожидает от меня. Ответных действий? Это смешно. Я не могу просто заявиться в школу и снова вести себя как идиотка, жаждущая внимания и зависти. Теперь я другая, и если все пойдет хорошо, то хочу научиться любить и принимать себя новую.

Это чертовски сложно. Когда доктор Бордман говорит про изменения, я искренне хотела, чтобы они произошли. Но ко-

гда я снова и снова остаюсь наедине со своими мыслями, то осознаю, что ничего может и не получиться.

Проходя мимо витрин магазинов, украшенных цветными гирляндами, я натягиваю шапку ниже. Повсюду звучат рождественские песни, люди суетятся, и мне кажется, я одна в этом море суеты совсем не жду праздника.

На то есть причина, и я ничего не могу поделать со своим страхом.

До Рождества осталось восемь дней. Папа приехал домой, а мама собирается вернуться в Эдмонтон завтра.

– Ты уже здесь. Хорошо. – Мама появляется в дверях магазина, в который я собиралась войти. – Поужинаем в «Рэме»?

Киваю и смотрю на огромный пакет, который она пытается удержать руками в огромных вязаных варежках.

– Давай помогу. – Я забираю его и заглядываю внутрь. – Что там?

Мама пожимает плечами, заправляя пружинистую прядь за ухо.

– Подарки.

– Ты не передумала уезжать?

Она сбавляет шаг и внимательно смотрит на меня.

– Если ты хочешь, я останусь.

И что она будет здесь делать? Праздновать в одиночестве? В доме, в котором у нее когда-то была семья? Я не хочу этого для нее, но она ни за что не придет к нам, будет упорно

повторять, что не хочет мешать. В Эдмонтоне остались бабушка, друзья и знакомые, вся ее новая жизнь. Там она не будет одинока.

– Мам, – говорю я, когда мы подходим к ее машине. – У тебя появился кто-нибудь в Эдмонтоне?

Она отвечает не сразу. Мой интерес к личной жизни явно немного ее обескуражил, что заставляет почувствовать укол вины. Почему я так зациклилась на себе и совсем не интересовалась жизнью близких?

Не то чтобы я начинаю делать это сейчас, но мне не все равно.

– Да нет, – неуверенно отвечает она.

– А если честно? – спрашиваю с улыбкой.

Мама вздыхает и открывает водительскую дверцу.

– Холодно, залезай.

Когда мы оказываемся в машине, я не повторяю свой вопрос. Если не хочет отвечать, значит, не буду настаивать.

– Сама не знаю, – с очередным вздохом говорит мама, снимая варежки. – Нужно бы это выяснить.

Мое любопытство начинает расти.

– Только скажи ему прямо. В такие моменты мужчины делают вид, что не понимают намеков.

Сначала мама смотрит на меня с удивлением, но я остаюсь невозмутимой. Затем вставляет ключ в зажигание и быстро кивает.

– Ох, ага...

Она явно что-то недоговаривает.

– Ты ведь мне все расскажешь?

Мама уже улыбается, выезжая с парковки.

– Конечно, милая. Как только все станет ясно.

– Хорошо. – Я расслабляюсь и устраиваюсь в кресле, слушающая новости по радио.

* * *

До Рождества остается семь дней. Мы уже украсили елку, рядом с ней папа поставил муляж камина. Ной повесил на него свои коньки вместо носков. Так всегда делал Ноэль.

Брат возвращается через несколько дней, а мама уезжает сегодня. Я устала бояться его приезда, это неправильно. А еще неправильно хотеть, чтобы все это поскорее закончилось.

Сегодня воскресенье, и я встаю пораньше, чтобы приготовить Ною завтрак. Папа и Хелен уехали рано утром на фермерский рынок.

Ной снова включает «Гравити Фолз» и валяется на диване, пока я готовлю вафли. Не удивлюсь, если сейчас зайвится Мел, которая, оказывается, совсем недавно переехала в Досон-Крик. Она съехалась со своим парнем, и теперь папе и Хелен не нужно придумывать для нее оправдания, если она вдруг захочет прийти в тот момент, когда мы с Ноем остаемся дома одни. Но меня это уже не так ранит, я смирилась.

Когда-нибудь они снова начнут мне доверять.

После завтрака мою посуду и слышу звонок в дверь. Как я и думала.

Выхожу из кухни. Дверь уже открыта, но на пороге стоит не Мел, а Энтони в черной шапке и в красной лыжной куртке. В руках он держит две клюшки.

– Вот, смотри, – говорит он Нюю, показывая одну из клюшек. – Это должна тебе подойти.

Ной берет ее и замахивается, едва не сбив лампу, стоящую возле окна.

– Полегче, парень, – смеется Энтони.

Я давно не слышала его смех и уже забыла о том, как он мне нравился. Глубокий, с хрипотцой.

Энтони замечает меня.

– Привет, Эйвери, – здоровается он.

– Привет, – после паузы отвечаю я.

Почему он тратит выходной на Ноя? Неужели не хочет выспаться после вечеринки? Ведь он же ходит на вечеринки, верно? Жизнь продолжается у всех, кроме меня. В конце концов, Энтони мог бы просто поторчать дома перед компьютером. Я помню, как он одержим своими передачами на «Дискавери», которые идут как раз по воскресеньям.

– Я сломал клюшку, которую купил мне папа, – с досадой говорит Ной. – Старые клюшки Ноэля тоже сломаны. Как думаешь, Эйв, стоит попросить у Санты еще одну?

Мы с Энтони разрываем зрительный контакт. Не думал же

он, что мы снова начнем так просто общаться после того, как он приехал мне на помощь? Хотя не скрою, что смотреть на него и говорить «привет» уже не кажется чем-то запредельным, как раньше. К тому же он снова появляется в нашем доме.

– Думаю, Санта не будет в восторге, если ты напишешь ему уже пятое письмо, – отвечаю Ною.

– Эта прослужила мне лет пять, – говорит Энтони, указывая на вторую ключку, которую все еще держит. – Я их все привез с собой из Ньюмаркета. Можешь забирать обе, и не придется напрягать Санту.

Ной ударяет кулаком в кулак Энтони и, крикнув на бегу «спасибо», на большой скорости несется к шкафу с куртками.

Не помню, чтобы Хелен меня предупреждала, что Ноя снова заберет Энтони. Наверное, это уже не обсуждается.

– Не хочешь с нами? – спрашивает Энтони, когда я помогаю Ною собраться.

Мы стоим у двери, бросая друг на друга неловкие взгляды. Когда я смотрю в его зеленые глаза, то замечаю в них надежду. А еще вину, которую он не должен ощущать. Она сбивает меня с толку.

– Нет.

Он ничего не говорит, так как наверняка ожидал такого ответа.

– Точно? – через несколько долгих секунд снова интере-

суется Энтони.

Опускаю взгляд на застегивающего куртку Ноя, который, кажется, вообще не заинтересован в нашем разговоре.

– Мама уезжает сегодня. Я пойду к ней.

– Мы тебя подбросим, – говорит он, улыбнувшись. – Вдруг «Тахо» опять заглохнет.

– Я не собираюсь ехать, – спокойно поправляю его. Если он не заметил, я сказала, что пойду.

Он кивает, смотрит по сторонам. Затем поправляет шапку, натянув ее ниже. Позволяю себе в это время внимательно его разглядеть. Он так изменился за это время. Плечи стали шире, поза – увереннее.

– Я дойду.

Но Энтони, похоже, мой ответ не нравится. Он хмурится.

– Да ладно, Эйв, – тихо говорит он. – Позволь подвезти тебя.

Его слова звучат как просьба. Огромная просьба. Что мне стоит исполнить ее? Это ведь такая обычная и обыденная вещь.

Кивнув, быстро поднимаюсь в свою комнату и переодеваюсь из домашних спортивных штанов в джинсы, которые теперь мне слишком велики. Приходится делать новую дырку в ремне пилочкой для ногтей. Надев свитер, смотрю в зеркало. Господи. Волосы совсем тусклые. Под глазами синяки. Но я ведь такой была и остаюсь сейчас. Почему меня это так удивляет?

Мы молчим, когда я сажусь в «Форд» на пассажирское место. Молчим, слушая болтающего позади Ноя. Это неловко. Очень неловко. Внезапно приходит мысль, что нас может увидеть Ингрид. Ее ненависть ко мне обретет просто необъятные размеры. Я усмехаюсь про себя. Будто до этого все было иначе.

Какая мне вообще разница? Они ведь не встречаются. Прокручиваю в голове слова Энтони, когда он признался в том, что для него важно, чтобы я знала, что они не вместе.

Это действительно было важно. Пока не знаю, по какой причине, но важно.

– Это машина Хелен? – вдруг произносит Энтони.

На подъездной дорожке у нашего старого дома стоит темно-синий «Крайслер» Хелен. Вообще это их общая машина с папой, просто Хелен пользуется ей намного чаще.

– Да, – отвечаю я.

Они не должны были вернуться так рано. И вообще странно, что они заехали к маме. Может, она тоже решила поехать с ними? Но тогда бы она мне позвонила и предупредила.

Но, опять же... я приехала раньше запланированного. Да и, когда мама ужинала у нас пару раз, они с Хелен очень даже мило болтали. Думаю, она уже приняла тот факт, что мама и папа остались друзьями после развода.

– Может, маме что-то понадобилось, – пожав плечами, тихо бормочу я. – Спасибо, что подвез.

Энтони смотрит на меня несколько секунд, прежде чем

кивнуть.

– Всегда пожалуйста.

– Папа здесь? – кричит Ной.

Я поворачиваюсь к нему.

– Не знаю. Не ломай клюшки, Ной. Увидимся дома.

– Пока, Эйв!

Выхожу из машины, но Энтони меня останавливает.

– Эйв, я... – он немного наклонился, так как я уже стояла напротив открытой двери, – все же посмотрю двигатель твоей машины, ладно?

У меня не поворачивается язык сказать, что я все равно не буду ездить на «Тахо». Не в тот момент, когда Энтони так на меня смотрит. Мне остается только кивнуть.

– Хорошо.

Он расплывается в мальчишеской улыбке, и мое сердце делает кувырок. Ух ты. Давно я такого не чувствовала.

Махнув, закрываю дверцу и иду задом наперед, спиной к дому, наблюдая за тем, как они уезжают. Затем бросаю взгляд на окна дома Ингрид. Хотя меня не должно это волновать.

В доме тихо, когда я вхожу, что кажется странным. Мама и тишина несовместимы, да и «Крайслер» Хелен немного сбивает с толку. В гостиной вижу мамины сумки, стоящие на полу, с кухни доносится запах непонятного отвара.

Внезапно сверху раздается приглушенный звук, и я поднимаюсь.

– Мама? – зову я. – Где вы все?

Теперь слышу бормотание и какую-то возню. Они доносятся из-за двери комнаты, где спит мама. Раньше спальня принадлежала ей и папе.

Не совсем соображая, что происходит, я застываю в нескольких шагах от двери.

– Мама? Ты в порядке?

Черт. Кажется, она не одна.

Надо было подумать об этом раньше, но теперь уже поздно. Дверь распахивается, и я вижу маму с растрепанными волосами. От удивления у меня глаза лезут на лоб, ведь позади нее стоит такой же взъерошенный папа.

Что, черт возьми, здесь происходит?

– Эйви, детка, – запыхавшись, произносит мама, запахивая халат. – Ты рано.

Я смотрю, как она опускает глаза и отходит в сторону.

– Вы... – запинаясь я. – Вы...

Даже произнести это не могу.

Так, стоп.

В другой ситуации это было бы нормальным. Это мои родители. Моя психика от увиденного не пострадала бы. Но ведь дело в другом. Отец изменяет Хелен? Со своей бывшей женой? Бред, боже мой. Это бред.

Хватаюсь за голову и мотаю головой.

– Это ерунда какая-то.

– Эйв, – снова начинает мама, но папа ее останавливает,

осторожно отодвинув в сторону.

– Я тебе все объясню, хорошо?

– А что тут объяснять? – качаю головой. – Ты изменяешь Хелен, а до этого, возможно, изменял маме.

Он вздыхает, опустив руки. Мама тут же встает на его защиту.

– Все совсем не так. Пожалуйста, – ее губы начинают дрожать, – пойми все правильно.

Что в этом может быть правильного? Они развелись. У папы другая жена, семья, сын. Что он делает?

– Ты ушла от нас, – внезапно говорю я, бросив злобный взгляд на маму. Во мне вдруг просыпаются злость и обида. – А теперь пытаешься разрушить нашу новую семью.

Они смотрят на меня, открыв рты. На глаза мамы наворачиваются слезы, но мне ее совсем не жаль. Не знаю, почему сейчас встаю на сторону Хелен. В прошлом все было бы наоборот. Прежняя я, возможно, обрадовалась бы такому повороту и даже злорадствовала бы. Но теперь они оба мне отвратительны.

Молча развернувшись, спускаюсь на первый этаж. Не собираюсь прощаться с мамой. Пусть уезжает. Зря она вообще приехала.

В гостиной меня догоняет папа. Слышу мамины всхлипы на лестнице.

– Дай возможность все объяснить, Эйв, – просит папа.

Я останавливаюсь у двери и поворачиваюсь к нему.

– Где Хелен?

Он опускает взгляд.

– У Мел.

– Как давно это длится?

Папа качает головой.

– Это случилось в первый раз после нашего развода. Господи. – Он хватается за голову, и я вдруг чувствую вину. Ничего бы не было, если бы я приехала вовремя.

Мама ведь не собирается возвращать папу, так?

Не знаю, что и думать. Это слишком сложно. Я так ненавидела Хелен, что сейчас готовность защищать ее кажется странной. Она не разрушала нашу семью. Мои родители сделали это сами. Они не справились. Так зачем они снова это начинают? Я думала, они из тех редких пар, которые после развода остаются друзьями до конца дней. Я думала, что так это и будет работать. Все же шло хорошо.

Зачем? Зачем было все портить?

– Не нужно мне ничего объяснять, – говорю я и снова поворачиваюсь к двери.

Но папа кладет руку на мое плечо.

– Пожалуйста. Быть может, ты не поймешь, но выслушай.

Да, скорее всего, я и правда не пойму. До Энтони у меня ничего серьезного не было, да и наши отношения длились не так уж и долго. Для моих же родителей, можно сказать, прошла целая жизнь.

Поэтому я такого никогда не пойму. И не собираюсь пони-

мать. Просто знаю и уверена в том, что они поступили неправильно и подло. Тем не менее я снова поворачиваюсь к отцу и молча жду.

– Этот дом, – невпопад начинает папа, присев на подлокотник дивана. – Я просто заехал поговорить. Нам с твоей мамой всегда есть что обсудить. Прежде всего вас. И этот дом, – снова повторяет он. – Мы потерялись в воспоминаниях, это так сложно объяснить... У нас была семья, Эйви. У нас есть вы с Ноэлем. Я люблю Хелен, – продолжает папа, понизив голос. – Очень люблю. И Ноя, и вас. То, чему ты стала свидетельницей, неправильно, я понимаю. Мы позволили себе съехать с рельсов. Боже, Эйви, не знаю, как еще это объяснить. Порой мы осознанно идем на то, о чем впоследствии наверняка пожалеем. Совершаем ошибки, прекрасно зная, какими будут последствия.

Эти слова что-то задевают во мне. Пульс становится учащенным. Я поднимаю голову и смотрю на стоящую на лестнице маму. Злость никуда не исчезла, и она по большей части направлена именно на нее.

– Ты о нем говорила вчера? – интересуюсь я. – О папе? Он любит Хелен.

Она вытирает слезы и качает головой.

– Я знаю, милая. Но я говорила не о нем.

Тогда как они могли пойти на такое, если уже давно любят других людей? Если между ними давно все погасло, что могло разжечь огонь на этот раз? Только дом и воспомина-

ния о том, что когда-то происходило в его стенах? Я не могу этого понять.

– Возможно, ты поймешь позже, – словно читая мои мысли, продолжает папа. – Когда станешь старше, и у тебя появится собственная семья.

Наверное, он прав. Проблемы и их осознание будут расти по мере взросления. Это сейчас мне все кажется ужасным, но в будущем, возможно, я над этим посмеюсь. Хотя вряд ли это будет казаться смешным и через десятки лет.

Но пока я не понимаю их поступок. Просто не готова понять.

– Надеюсь, этого больше не повторится, – говорю я.

Мои слова звучат немного странно. Но и ситуация такая же.

– Нет, – говорит мама, спустившись. – Милая, это было...

Я морщусь.

– Один раз, и больше не повторится. Виноват дом и все такое. Больше не хочу это слушать. Не могу. Вы не обязаны передо мной так распинаться.

Они молчат. Папа смотрит на меня умоляющими глазами. Он будто просит не говорить Хелен. Но разве я когда-нибудь с ней откровенничала?

– Я постараюсь об этом забыть не ради вас, – наконец говорю я. – Никто такого не заслуживает.

– Эйви! – зовет мама, когда я в очередной раз поворачиваюсь к двери.

– Удачной поездки, мама, и с Рождеством.

Выхожу на улицу, хлопнув дверью. Замерев на крыльце, засовываю руки в карманы и смотрю на пустое поле впереди. Коробка уже залита и сейчас пустует.

Не нужно было приезжать сюда так рано. Хотя это ничего бы не изменило. Разве что я сейчас не злилась бы на маму. Но теперь не знаю, когда с ней снова заговорю.

Глава 4

Энтони

В понедельник после урока догоняю Бретта в коридоре.

– Йоу, чувак, – бормочет он.

Я фыркаю.

– Привет. Слушай, хотел спросить кое-что.

– Для тебя все что угодно, рыжий.

Я скептически выгибаю бровь.

– Мне кажется, или ты впервые обратил внимание на то, что я рыжий?

Бретт присматривается ко мне и начинает смеяться.

– Ага, недавно заметил.

Я подталкиваю его плечом.

– Так вот, хотел узнать по поводу твоей работы на ресур-фейсере⁴ в прошлом году.

– А-а, и что тебя интересует?

– Как бы мне туда пролезть?

– Ты хочешь водить ледовый комбайн? – усмехается

Бретт. – Или деньги нужны?

Ни то и ни другое. На самом деле мне просто нужно чем-

⁴ Ледовый комбайн, используется для восстановления льда на катках.

то себя занять. И личные деньги не будут лишними. Мои родители хорошо зарабатывают, но они никогда не хвастались этим, не давали мне повода сорить деньгами. Я разносил газеты, когда мне было четырнадцать, и еще подрабатывал в автосалоне у мистера Миллера, который и научил меня собирать тачки. Я не зарабатывал собственные деньги с того времени, как мы переехали в Колумбию. Признаюсь, я полагал, что в таком городишке мало что найдется, но, если поискать, отыскать можно что угодно.

– Да брось, хочу поработать, – отмахиваюсь я. – Там есть ограничения по возрасту?

– Не, – беспечно отвечает Бретт. – Прав с N достаточно. Я вообще работал с ученическими.

– Вот и отлично. Не осталось там связей? Мог бы замолвить за меня словечко?

Бретт задумывается на пару секунд, сбавив шаг.

– Мы работали с Морти, но он уволился. Даже не знаю. Эй, – он щелкает пальцами и расплывается в улыбке, – тетя Кары устроилась туда администратором несколько месяцев назад. Думаю, с ней можно договориться.

– Здорово, – натянуто улыбаюсь я. – Так ты устроишь?

Бретт прищуривается.

– Не хочешь сам поговорить с Карой?

Я молчу.

– Она на твоей стороне, если что. – Бретт хлопает меня

по плечу и уходит.

Думаю, он заметил наши напряженные отношения и решил таким образом попытаться нас примирить. *Отличный ход, мужик.*

Так ли мне нужна эта работа? Мои технические навыки там будут очень кстати, и надеюсь, что не возникнет проблем с тем, что я играю в школьной команде. В таком случае я буду оставаться после игр и работать. Хотя все наши следующие игры будут проходить на открытой площадке.

И все же я поговорю с Карой.

* * *

Чувствую себя полным придурком. Я боюсь подойти к девушке своего друга. Она тоже мой друг, и это нормально – попросить об одолжении. Но тем не менее наш последний разговор был неприятным.

Да господи, нельзя быть таким идиотом.

Делаю шаг в направлении Кары, которая стоит вместе с Грейс у своего шкафчика, но тут замечаю Ингрид, направляющуюся прямо к ним. После того, как она буквально отвратила меня своими мерзкими и завистливыми словами, я с ней не здороваюсь. Даже если бы ее слова не касались Эйв, мне бы в любом случае стало сложнее с ней общаться. В ней много фальши, которую я принимал за дружелюбие. Много зависти, которую она искусно прикрывает выдуман-

ной несправедливостью других по отношению к себе. Тогда она заставила меня сорваться и слететь с катушек. Я напугал маму, которая теперь следит за мной и пишет сообщения намного чаще, чем раньше.

Кара реагирует вполне ожидаемо. Она делает вид, что не замечает ее, когда Ингрид что-то говорит. Но когда она повторяет, Кара оборачивается и громко спрашивает Грейс:

– Ты слышишь? Что это за звук?

– Что там у них? – недовольно бурчит Бретт, встав позади меня.

Я качаю головой.

– Понятия не имею.

– Пошли, у нас тренировка.

– Мне нужно поговорить с Карой.

– Сейчас? – Бретт смотрит на меня как на сумасшедшего. – Не советую.

– Да ладно, – отмахиваюсь я. – Ты придаешь слишком много значения импульсивности своей девушки.

– Она стерва, – с гордостью говорит Бретт, ухмыльнувшись. – Не такая, как другие стервы. Но и не в хорошем смысле.

Смеюсь, поправляя лямку рюкзака.

– Это я уже понял. Все же рискну сейчас.

– Как знаешь, я предупредил. – Бретт приподнимает руки и уходит.

Мне приходится выждать еще пару минут, прежде чем от

Кары отойдет Ингрид, умчавшись в противоположную сторону, а затем Грейс, мило мне улыбнувшись по пути.

– Привет.

Кара захлопывает шкафчик.

– Пришел защитить свою подружку?

Вздыхаю, не скрывая раздражения. Не собираюсь притворяться, даже если мне что-то от нее нужно.

– Может, хватит? Ты видела достаточно, чтобы понять, что нас ничего не связывает.

Кара молчит, затем поворачивается ко мне.

– Не мне тебе указывать.

Я криво улыбаюсь.

– Ты ясно давала понять, что тебя это не устраивает.

– Ну и ладно, – беспечно пожимает плечами Кара. – Я очень ревностно отношусь к своим друзьям.

Она уходит, а я все еще стою с открытым ртом, прижавшись плечом к шкафчику.

– Постой! – Догнав, я подстраиваюсь под ее шаг. – Ты считаешь меня своим другом?

Кара морщится.

– Не обольщайся.

Не могу удержаться от улыбки. Кара такая... Кара.

– Я тоже считаю тебя своим другом.

Хмыкнув, Кара сжимает губы, пряча улыбку.

– Бедный глупый мальчик из города Джима Керри.

Мне снова не удается удержаться от смеха.

– Остроумно.

Она все же улыбается. Мы выходим на улицу и медленно идем к парковке.

– Так что тебе нужно, Энтони? – спрашивает Кара. – Видимо что-то срочное, раз ты пропускаешь тренировку.

– Вообще-то да, – признаюсь я.

– Теперь понятны фразы типа «я тоже твой друг».

По телу проносится неприятное покалывание.

– Думай обо мне что угодно, Кара, – произношу сквозь зубы. – Но я никогда не притворялся чьим-то другом ради собственной выгоды.

Она останавливается и внимательно смотрит на меня. Порыв ветра отбрасывает в сторону ее шарф. Кара ежится, поправляя его.

– Знаю, – тихо говорит она. – Просто хотела, чтобы ты почувствовал это.

– Что именно?

– То, что ты только что сказал.

Не сразу осознаю, что она имеет в виду. Но, когда до меня доходит, я вздыхаю.

– Я и не мог подумать.

– Уже не важно. Ну так что там у тебя? Мои предки дома, а мне еще нужно смыть всю эту косметику по дороге обратно.

Неловкость испаряется, и на смену ей приходит легкость. Я расслабляюсь.

– Кажется, в тебе живут две личности.

Она фыркает.

– Что поделать, – отмахивается она. – Не моя вина, что я не та, какой хотят меня видеть родители.

Звучит отстойно. И как я раньше не замечал этого? У каждого из нас есть слабые места, и очень часто это становится проблемой.

– Скажи, что хочешь быть собой.

Кара качает головой.

– Не все так просто.

Это мой девиз в последнее время.

– В общем... – начинаю я после паузы.

– Секунду. – Кара достает из кармана куртки телефон и читает сообщение. Ее взгляд становится заинтересованным. – Хм. Бретт пишет, чтобы я уже согласилась поговорить со своей тетей и отпустила тебя. Тренер недоволен.

– Черт, – бормочу я.

Кара убирает телефон.

– О чем я должна поговорить со своей тетей?

– Я хотел попросить тебя об одолжении. Бретт сказал, что твоя тетя работает на арене. Может, там есть вакансия для школьника? Например, на ледовом комбайне.

Раздумывая, Кара прикусывает нижнюю губу.

– Не думала, что ты из тех, кому нужна работа.

Я выгибаю бровь.

– Эй, ты опять? Мы же договаривались.

Кара фыркает.

– Мы ни о чем не договаривались. Уж тем более не о том, чтобы я перестала над тобой издеваться.

Я киваю, улыбнувшись.

– Хорошо. Согласен терпеть это, если только ты мне можешь.

– Идет! – заявляет Кара. – Я поговорю с Элизабет. Никаких проблем.

Хватаю ее за плечи и целую в щеку.

– Ты можешь быть такой душкой, Кара. Спасибо.

Она закатывает глаза.

– Не смей никому об этом говорить. Моя репутация не должна пострадать.

Задом наперед иду к широким дверям спортзала, где у нас сегодня силовая тренировка.

– Обещаю.

– И еще кое-что! – кричит мне вслед Кара, и я вынужден остановиться. – Мы должны вернуть Эйв.

Согласен, но нельзя на нее давить. Молчу, стараясь подобрать нужные слова.

– Она должна сама этого захотеть.

– Знаю, – кивает Кара. – Поэтому сделай так, чтобы она захотела.

* * *

Все вышло слишком просто, и это даже насторожило. Но

я не собираюсь цепляться к своему везению.

Когда на следующий день Кара отправила меня на ледовую арену, там я встретился с ее более взрослой копией. Но после того, как Элизабет покатила со смеху, когда я сказал, что готов пройти стажировку, то понял, что их сходство с Карой только внешнее. Она намного проще, и рассмешить ее ничего не стоит, чего не скажешь о племяннице.

Элизабет сказала прийти в четверг и пройти формальное обучение. Это заняло не так уж много времени. В пятницу я уже сел на комбайн, и меня инструктировал в практической части мужчина лет шестидесяти по имени Хорайзон.

В общем, я получил эту работу. Мне дали расписание смен, и теперь чувствую в себе какую-то уверенность. Решил, что иногда буду брать с собой Ноя – слишком я привязался к этому парню, он напоминает мне лучшего друга. И так я могу быть ближе к Эйв.

У меня все еще нет ответа на вопрос, который задал себе несколько недель назад: что я чувствую к ней? Такую же привязанность, как к ее братьям?

Но ведь это не так. Мы встречались, у нас была близость. Думать о ней сейчас в физическом плане кажется чем-то необычным. Иногда у меня возникают фантазии или воспоминания о ней в моих руках, но тут же перед глазами возникает другая картина. Ужасная. Я помню тот день и уже не смогу выкинуть из головы, как бы ни старался.

В школе Четвинда объявили эпидемию гриппа. Из-за близости городов в Досон-Крик Хай решили перестраховаться, поэтому администрация отменила зимний бал и перенесла две предстоящие игры. Мы решили устроить вечеринку у Бретта в пятницу, тем самым отметить начало зимних каникул и смягчить огорчение по поводу отмены школьных танцев. По поводу последнего я даже и не думаю. Школьные танцы становятся слишком обыденными и скучными, но перенос игр немного напрягает.

– Эй, Бретт, ты уверен, что девчонки не обидятся на нас из-за того, что не пригласили их на вечеринку? – спрашивает Роб.

– Не стоит снова открывать старые раны. Если бы они были здесь, то только бы и говорили о зимнем бале и как ждали его целый год. Если честно, у меня больше нет сил это слушать.

– Роб так говорит, потому что у него нет девушки и он не понимает, что значит постоянное «колупание мозгов», – добавляю я.

– Кстати, о девушках. Энтони! Как там Эйвери? Ей лучше? – интересуется Бретт.

Меня удивляет, что наши шутки на грани будто бы ушли на второй план и парни искренне беспокоятся о состоянии

Эйв. Это даже трогательно.

– У нее все в порядке, идет на поправку.

Весь вечер мы едим пиццу, играем в приставку и обсуждаем последние матчи, размышляя, как в следующий раз быстро победить и не довести тренера Уолби до сердечного приступа. Пусть вечеринка проходит тихо и совсем не напоминает тусовку старшеклассников, мы все равно хорошо проводим время. Наверняка каждый понимает, что совсем скоро мы разъедемся по разным университетам и это последние месяцы, которые можно провести вместе.

В субботу после вечеринки мне удастся рано проснуться. Сегодня у меня рабочий день, а еще сочельник. За окном падает снег и нет ветра, что редкость для Досон-Крик. Мама с самого утра суетится на кухне, а папа читает новости на планшете.

– Во сколько ты освободишься, Энтони? – спрашивает мама, когда я сажусь за стол напротив папы и запикиваю в рот свежую булочку.

– Около семи, а что?

– Сегодня сочельник, – напоминает мама. – Мы идем в церковь. И я пригласила соседей на ужин. У меня до сих пор мало друзей здесь.

Папа сочувственно смотрит на нее.

– Ты много работаешь, дорогая. Я приглашал Хейзов, но Сид сказал, что они хотят провести праздники в кругу семьи. Думаю, после Рождества они примут приглашение.

– Прекрасно, – улыбается мама, но затем бросает на меня неловкий взгляд. – Скажи, если что-то...

– Ничего, – прожевав, быстро говорю я. – Вы должны снова нормально дружить.

– Мы просто волнуемся, Энтони, – говорит папа. – Все это немного неловко для нас.

Как и для всех.

– Нет, все хорошо, – искренне на это надеюсь, говорю я.

От меня не ускользает быстрый взгляд, которым обмениваются родители. Да, ситуация выглядит запутанной, но они знают, что все не так, как казалось с самого начала. И что теперь я снова появляюсь на пороге Хейзов. Нет ничего неловкого в том, что они снова будут ходить друг к другу в гости.

Господи, просто голова кругом от этих спутанных мыслей.

В церковь я не успеваю, поэтому не тороплюсь, когда завожу комбайн в теплый бокс. Хорайзон закрывает створки и довольно кивает.

– Молодец, парень.

Спрыгиваю с машины и снимаю шапку.

– Спасибо.

Снег по-прежнему валит крупными хлопьями. Когда подует ветер, все это превратится в огромные сугробы, которые снегоуборочные машины будут разгребать весь день. Перед переездом я много гуглил про этот город. В «Википедии» написано, что осадков здесь выпадает крайне мало. Ложь. «Википедия» меня обманула.

Но что плохого в снеге в канун Рождества? Когда он хрустит под ботинками, это приносит умиротворение. Большая ель посреди сквера у входа на арену сверкает мелкими разноцветными огнями. Я обхожу ее и иду к своей машине. Так тихо, что слышно далекое пение хора из церкви, находящейся на соседней улице.

Подойдя вплотную к машине, не сразу замечаю фигуру, прислонившуюся к ней с пассажирской стороны. Один из уличных фонарей разбит, а оставшегося света недостаточно, чтобы сразу разглядеть...

– У тебя плохо со зрением, Рой? – громко произносит Ноэль.

Открываю рот от неожиданности. Я знал, что друг придет, но вчера он написал мне, что, скорее всего, будет дома в воскресенье, потому что не успевает раньше.

И вот теперь этот сказочник стоит передо мной со своей фирменной широкой улыбкой, шапкой набекрень и в растянутой хоккейной куртке с логотипом юниорской лиги Альберты.

– Черт, я так рад тебя видеть, – неожиданно даже для себя, с чувством произношу я.

Ноэль улыбается еще шире.

– Смотри не расплачься.

– Придурок. – Хлопаю его по плечу, и Ноэль делает то же в ответ.

Затем хлопаем еще по разу, но уже сильнее и со смехом.

Всем известно: чем больше парни посмеиваются друг над другом, тем крепче их дружба.

После еще одного едкого комментария и удара в плечо обнимаю лучшего друга и осознаю, что теперь все будет хорошо. *Он именно тот, кто сможет всех нас вернуть к жизни.*

Глава 5

Эйвери

Мне страшно проснуться. Страшно встать с постели и пойти в ванную или на кухню. Вчера, когда мы приехали из церкви, я заперлась в комнате и до сих пор из нее не вышла.

Я еще не видела Ноэля, но он здесь. В нескольких шагах от меня. Я слышу его голос.

Брат устроил сюрприз, вернувшись на день раньше. Я вышла из ванной, когда раздался звонок и послышался удивленный возглас папы. Затем я закрылась в спальне, и меня не стали беспокоить. Хотя в любой другой ситуации Ноэль бы ворвался без стука.

Но не теперь, когда все иначе.

Опустив ноги на пол, сижу на кровати и слушаю голоса своей семьи, доносящиеся из гостиной. Это рождественское утро. Все открывают подарки. Мне нужно пересилить себя.

Оставшись в пижамных шортах, надеваю толстовку и выглядываю в окно. В этом году выпало не так много снега по сравнению с прошлым. Тем не менее крыши домов, деревья, стоящие на тротуарах машины покрыты ровным бело-

снежным покрывалом. Какое-то время смотрю, как наш сосед, мистер Симмонс, расчищает подъездную дорожку у своего дома, пока в мою дверь не начинается кто-то тихо стучать. С замиранием сердца говорю:

– Войдите.

– Эйв, идем, – слышу голос папы.

Повернувшись, я киваю.

– Да, минутку, только почищу зубы.

На это занятие я трачу слишком много времени. Почему оттягиваю неизбежное? Почему вообще так сильно этого страшусь?

Я знаю почему. Брат меня не простил.

Голос Ноя доносится словно из параллельной вселенной, когда я, спустившись в гостиную, вижу сидящего на диване Ноэля. Его плечи стали заметно шире, а руки – мускулистее. Он выглядит великолепно, словно только что вернулся из отпуска. Рядом с ним я уже не буду выглядеть его женской копией, а казаться лишь бледным подобием.

На лице брата все та же мальчишеская улыбка, но появилось что-то еще. То, чего я пока не знаю.

Замираю у лестницы, наблюдая за картиной, которая разворачивается в гостиной. Ной распаковывает подарки, папа, Хелен и Ноэль с улыбками смотрят на него.

– Вау! – кричит Ной, вытащив из коробки машинку на пульте управления.

Папа заговорщицки смотрит на Ноэля и тихо произносит:

– Хороший ход.

Брат кивает.

– Ну да, может, так он забудет про дрон.

– Ох, надеюсь, – так же тихо бормочет Хелен. – Я хочу сохранить в доме посуду и люстры.

Они втроем тихо хихикают. Но время словно останавливается, когда Ноэль замечает меня.

Я так скучала по нему. Безумно. Но не могу броситься ему на шею. Не могу определить, о чем он сейчас думает, как это было всегда. Я потеряла с ним связь.

Мы смотрим друг другу в глаза долгие секунды, пока Ной не прорывается в тот пузырь, который отгородил меня и Ноэля от реального мира.

– Эйви, для тебя тоже кое-что есть!

Я едва нахожу в себе силы отвести взгляд. Неестественно улыбнувшись Ною, подхожу к елке и сажусь рядом с ним. Он протягивает мне коробку и с любопытством разглядывает нас. Он уже достаточно вырос, чтобы понимать: в нашей семье что-то не так.

Молча развернув обертку коробки со своим именем, обнаруживаю внутри красный свитер с голубой надписью «Эйви» на груди.

Рассматриваю свитер, бросив быстрый взгляд на папу. Он неловко улыбается. Но сейчас я не могу думать о маме. О ее очередном сумасшедшем подарке или о том, что застучала их с папой.

Все это сейчас не важно.

– Ной, вы с папой должны мне помочь, – вскакивая с дивана, заявляет Хелен. – Бегом.

Ной послушно идет за ней, прихватив свои подарки, а папа задерживается. Он поочередно смотрит на меня и Ноэля. Похоже, собирается что-то сказать, но в следующую секунду передумывает и молча уходит.

Мы остаемся одни.

Я не смотрю на брата, отчаянно пытаюсь унять бьющееся сердце. Как мы до такого дошли? Во что я превратила семью и кем стала сама?

Ответы на эти вопросы мне никогда не найти.

Больше не хочется разворачивать подарки. Отставляю коробки, скрещиваю ноги, хватаюсь за лодыжки и медленно раскачиваюсь.

– Что с твоими волосами? – произносит Ноэль.

Не этого вопроса я ждала после нашей разлуки.

Поворачиваю голову, и мы смотрим друг другу в глаза.

Мне все еще сложно понять, о чем он думает. За все это время я так привыкла быть одна. Только я и мои мысли.

Нам не удастся удержать этот взгляд. Мы оба отворачиваемся.

– Давно не красила, – отвечаю, глядя на елку.

Внезапно Ноэль поднимается и встает в позу, которая мне кажется знакомой. Он зол. Очень зол и обижен. Я внутренне съеживаюсь.

– Доктор тебе помогает?

Мы не говорили с доктором Бордманом о том, что конкретно произошло. Он подводит к этому, но я все еще не хочу.

– Да, – отвечаю, посмотрев на брата.

Теперь он не сводит с меня глаз.

– Ладно, хорошо, – на выдохе произносит Ноэль, отвернувшись. – С Рождеством, Эйв.

Он идет к лестнице, я смотрю ему вслед. И это все?

– Ноэль.

Он медленно оборачивается.

– Что?

Поднимаюсь и обхватываю себя за плечи.

– Скажи что-нибудь.

Он устало проводит ладонью по лицу.

– Что ты хочешь услышать? Папа мне сказал быть осторожным со словами, но знаешь что? – Он делает шаг в мою сторону. – Я не стану его слушать и не буду тебя жалеть. По какой-то причине ты решила, что будет лучше, если...

– Пожалуйста, прекрати, – останавливаю его, вцепившись пальцами в свои плечи.

Всего лишь на одну-единственную секунду в глазах Ноэля мелькает сожаление, но оно снова сменяется гневом.

– Почему ты не хочешь сказать это вслух, Эйв? Почему не хочешь признать, черт возьми? Тут все ходят перед тобой на цыпочках, боясь ляпнуть что-нибудь не то, чтобы ты снова

не закрылась в ванной и...

– Хватит! – Опускаю руки, из моих глаз текут слезы.

Ноэль качает головой и вплотную подходит ко мне.

– Скажи.

Рыдания сдавливают грудь, и все, что я могу, это качать головой снова и снова.

– Скажи. Скажи, что ты сделала, Эйв.

Опустив голову, я так сильно прикусываю нижнюю губу, что чувствую во рту кровь.

Он прав. Мы больше не должны молчать. Об этом стоит говорить, глупо продолжать делать вид, что ничего не случилось. Никому от этого не легче. Я должна признать.

Подняв голову, прекращаю плакать и смотрю в карие глаза брата.

– Я пыталась покончить с собой.

В уголках глаз Ноэля собираются слезы, и он изо всех сил старается их удержать.

– Закрылась в ванной, – продолжаю я. – Мне не хотелось жить. И прямо сейчас я не отвечу почему. Я не знаю. Не знаю, зачем это сделала.

Все было в каком-то тумане. Мы с Энтони расстались. Розуз со мной больше не разговаривала, и я все чаще видела ее с Ноэлем. У меня были догадки, зачем он начал встречаться с ней, но я не могла победить в себе эгоизм. Она злилась на меня, а Ноэль был с ней. Я считала, что меня предали. Энтони меня бросил.

Но все это не было причиной того, почему я решила это сделать. Или было. Мне кажется, что я думала об этом и раньше.

Когда очнулась в больнице и поняла, что жива, я испытала разочарование. Но после слез мамы, папы и пустого взгляда Ноэля поняла, что сделала глупость. Доктор сказал, что меня вовремя привезли. Если бы прошло еще какое-то время, мое сердце не выдержало бы.

Все дальнейшие события подвергли мою семью настоящему стрессу. Социальные службы слишком долго околачивались у нашего порога. Лишь убедившись, что мой поступок не был спровоцирован положением в семье, от нас отстали, назначив курс психотерапии.

Я ужасно сожалею о том, через что они прошли. Через что прошел Ной, четырехлетний малыш, найдя меня в ванной.

* * *

Это Рождество оказалось не самым лучшим в моей жизни. И самое ужасное, что причиной этому являюсь я сама.

После того, как я признала вслух то, что сделала, Ноэль не сказал ни слова и ушел наверх. На протяжении всего дня мы больше не разговаривали, лишь бросали друг на друга быстрые взгляды, пока помогали папе и Хелен подготовиться к праздничному ужину.

Сейчас мы сидим на нашей просторной кухне за круглым

столом и в полной тишине наблюдаем, как папа нарекает индейку. Ной тянется к сливочному пудингу, но Хелен, послав ему укоризненный взгляд, отставляет десерт от него подальше.

– Следующая игра сразу после каникул? – спрашивает папа Ноэля, когда раскладывает по тарелкам еду.

– Угу, – кивает брат с набитым ртом. – Но у меня тренировки, поэтому я уеду раньше.

– С тобой связывался менеджер? – интересуется Хелен.

– Да. Сказал, что «Росомахи» очень заинтересованы мной.

– Ты ничего об этом не говорил, – хмурится папа.

Ноэль пожимает плечами.

– Я хочу рассмотреть разные варианты.

– Нужно хвататься за этот шанс.

– А потом ты будешь играть с Сидни Кросби⁵! – громко выкрикивает Ной.

Атмосфера разряжается легким смехом. Чувствую на себе взгляды, поэтому тоже стараюсь улыбнуться.

Ноэль треплет Ноя по волосам.

– Было бы круто, малыш.

– Но ведь это возможно, – серьезно говорит папа и, заметив скептический взгляд Ноэля, подается вперед. – Это не шутка. Ты вживую увидишь игроков, за которыми с детства

⁵ Канадский хоккеист, капитан и центральный нападающий клуба «Питтсбург Пингвинз».

следил по телевизору. Все зависит от того, как ты себя покажешь. А ты покажешь. Я знаю это.

– Спасибо, пап, – смущенно бормочет Ноэль.

Возникает тишина, которую вскоре заполняет болтовня Ноя. Снова ощущаю, что на меня смотрят, но не могу поднять голову. Я выстроила очень толстую стену между собой и остальными. И сейчас слишком сложно ее пробить, на это нужно время.

* * *

После ужина, собравшись в гостиной, мы смотрим фильмы и различные комедийные шоу. Ноэль никуда не спешит, что немного не в его стиле. Он болтает с папой, возится с Ноем. Хелен наблюдает за ними, сидя в кресле. Наши глаза встречаются, и какое-то время мы смотрим друг на друга.

Когда Ной начинает засыпать, Хелен уносит его наверх. Мы остаемся втроем. Я знаю, что папа слышал наш разговор с Ноэлем, который ни к чему не привел. Но он не требует от нас еще одного. Пожелав спокойной ночи и еще раз поздравив с Рождеством, он уходит.

Буквально через минуту после его ухода Ноэль поднимается с дивана. Наблюдаю за тем, как он надевает куртку, шапку, ботинки и выходит на улицу. Я остаюсь одна посреди тускло освещенной двумя лампами гостиной и стараюсь успокоить быстро бьющееся сердце.

Он просто взял и ушел.

Сжав кулаки, пытаюсь взять себя в руки. У меня начинается что-то похожее на паническую атаку. Спокойно. Выдохнув, нахожу силы встать и надеть верхнюю одежду и ботинки.

На улице так холодно. Несмотря на позднее время, из соседних домов все еще доносятся голоса и смех. Натянув шапку ниже, обхожу гараж и вижу Ноэля, медленно раскачивающегося на качелях.

Он никуда не ушел.

Ноэль слышит мои шаги, но не оборачивается. Вместо того, чтобы уйти через заднюю дверь, он вышел через парадную, будто и впрямь куда-то собирался. Неужели это была проверка? Действительно ли наша с ним связь прервалась?

Как бы то ни было, после минуты паники я каким-то образом поняла, что Ноэль просто так не уйдет.

Постояв за его спиной несколько секунд, сажусь на соседние качели и начинаю раскачиваться. Ноэль смотрит перед собой. Молчание между нами становится невыносимым, но в какой-то момент это чувство проходит. Мы просто молча качаемся и, вытянув ноги, чертим ботинками дорожки на снегу. В детстве мы часто так делали, затем сравнивали, у кого получается длинней. Тогда это определялось с трудом, ведь мы были одного роста, не считая недолгого времени, когда я вытянулась чуть раньше.

Но сейчас дорожки Ноэля намного длиннее, и это замет-

но. И неудивительно, ведь он давно перегнал меня в росте.

Скрип цепей на качелях, полная луна на небе и освещенный слабым светом задний двор – в такой обстановке состоится наш второй разговор, который, надеюсь, к чему-то приведет.

Ноэль поворачивает голову, глядя на мои дорожки, и едва заметно улыбается. Затем его взгляд перемещается на мои розовые тимберленды, и уголки его губ снова поднимаются.

Он скучал по мне.

– Помнишь, в детстве мы думали, что каждая звезда на небе принадлежит какому-то конкретному человеку? – Ноэль поднимает голову.

Делаю то же самое, всматриваясь в усыпанное яркими звездами небо.

– Сколько звезд на небе, столько и людей, – отвечаю я.

Так говорят. Но всем известно, что это неправда. Вселенная бесконечна, и звезд на небе гораздо больше, чем мы можем увидеть. Но звучит красиво. И в детстве это казалось правдой. Красивой правдой.

– Они гаснут каждый день, – продолжает Ноэль, выпуская изо рта облачко пара. – Кто-то это замечает, кто-то нет. Но большинству нет до этого дела. Ведь звезд так много. Миллионы крошечных огоньков.

Мы смотрим друг на друга.

– Они так мерцают. – Ноэль снова смотрит на небо, вцепившись в цепи качелей. – Почему-то для меня это стало так

важно. Когда вижу, как одна из звезд начинает бледнеть, затем гаснуть или падать, я...

Стискиваю губы, пытаюсь унять дрожь во всем теле.

– Прости меня, – шепотом говорю я. – Прости за Ноя.

Ведь...

– Эйв. – Ноэль пристально смотрит на меня. – Ты все это время думала, что я злился из-за Ноя?

Да, именно так я и думала, ведь подвергла его опасности. Он видел свою умирающую старшую сестру. Он... боже. Это вполне весомая причина меня ненавидеть. Я сделала это, когда осталась с ним дома. Он смотрел мультфильм, когда я поднялась в ванную. Через какое-то время он меня нашел и жутко перепугался. Этот малыш вызвал 911, а уже потом позвонил Хелен.

Ной спас мне жизнь.

Когда я киваю, Ноэль соскакивает с качелей так резко, что цепи вновь издают жалобный скрип.

– Ной бы справился. Он *уже* справился. – Брат встает напротив меня. – Конечно, я зол и на это, но причина совсем в другом, Эйв. – Его голос срывается и становится намного тише. – Ты решила оставить меня. словно мы не были одним целым, словно наше рождение, детство и наши жизни ничего для тебя не значат. Ты даже не попыталась справиться с этим. С тем, что у тебя в голове. Просто сделала, и все.

Из моих глаз текут слезы, но я продолжаю смотреть на Ноэля.

– Я – тот, кто не справился бы, – продолжает он. – Потому что как бы далеко ни находился, я знал, что в какой-то момент мы снова будем вместе. Пусть и ненадолго. Ты будешь где-то, будешь *жить*. Несмотря на расстояние, мы всегда будем одним целым. Убивая себя, ты убивала и меня.

Дышу очень часто, но мне все равно не хватает воздуха.

– Все это время я был эгоистом, думая о случившемся. Но все равно не понимаю, Эйв, не понимаю, что, как и почему. Зачем ты это сделала? Зачем?

– Прости. Прости меня, пожалуйста.

С этими словами поднимаюсь и прижимаюсь к брату. Он крепко стискивает меня в своих объятиях.

– Это ты меня прости, – дрожащим от слез голосом произносит он, уткнувшись мне в волосы. – За то, что не заметил. За то, что ничего не понял. За то, что злился и не был рядом все это время. Но я так боялся.

Взяв его лицо в ладони, всматриваюсь в родные черты лица.

– Тебе не за что просить прощения. Это все моя вина. Вам пришлось через столько пройти...

– Не нужно искать виноватых, Эйв. – Ноэль качает головой. По тыльной стороне моей руки стекает его слеза. – Случилось то, что случилось, и мы уже не в силах ничего изменить. Обещай мне.

– Обещаю, – твердо говорю я. – Этого не повторится.

Не обращая внимания на холод, мы все еще стоим, при-

жавшись друг к другу. С плеч будто свалился огромный груз, когда Ноэль простил меня. Честно говоря, до этого момента я не представляла, *насколько* мы близки. *Насколько* наша связь имеет значение для нас обоих. Я действительно думала, что брат злится на то, что я заставила нашу семью пройти через это, в особенности Ноя.

Это так мелко. Семья любит меня. Они не злились. Они боялись. А где страх, там и злость.

– Я думал, Хелен заберет Ноя и уедет, – говорит Ноэль, когда мы уже медленно идем к задней двери.

Это было бы логично с ее стороны.

– Но она осталась, – говорю я. – Все это время она была здесь.

Мы подходим к двери, и Ноэль опускает голову, взявшись за ручку.

– Кажется, мы в ней ошибались.

– Похоже на то, – соглашаюсь я.

Сколько всего нам предстоит исправить. Сколько еще нужно сделать, чтобы восстановить прежнее состояние и улучшить его, если получится.

Но теперь я знаю, что смогу. Теперь я справлюсь.

Глава 6

Энтони

– Ты не представляешь, как тяжело быть фанатом «Пингвинов» в городе, где все болеют за «Ойлерз».

Фыркнув, поворачиваюсь на стуле и смотрю на Ноэля, развалившегося на моей кровати.

– По-моему, ты преувеличиваешь.

Он тоже фыркает, скорчив гримасу.

– Ничего подобного.

– Так и есть.

– Да нет же. – Ноэль подсакивает. – Когда «Питтсбург» приезжали в Эдмонтон, мы пошли всей толпой и я сидел один в секции «Эдмонта» в джерси Кросби и орал при каждом их броске. Было ужасно неловко.

– Ты герой, – смеюсь я.

Ноэль бросает на меня саркастичный взгляд.

– Тебе вообще все по фигуре.

Я с улыбкой качаю головой.

– Нет, я просто пытаюсь мыслить здраво. Ты можешь болеть за кого угодно и неважно, в каком городе живешь.

– Как скажешь. – Ноэль снова падает на кровать. Он слыш-

ком долго молчит, всматриваясь в потолок. – Звезды.

– Что? – переспрашиваю я.

– Огоньки, – отвечает Ноэль.

Поднимаю голову и смотрю на потолок в своей комнате. Мы с мамой решили сделать его темно-синим, похожим на ночное небо. Позже я наклеил пару неоновых стикеров в виде звезд, которые купил в «Таргете»⁶.

– У меня есть идея. – Ноэль садится и серьезно смотрит на меня.

– Какая?

Он поднимается и начинает расхаживать по комнате.

– Папа с Хелен хотят пригласить Мел и ее парня к нам на Новый год. Но что, если я подкину им идею сделать наоборот?

– Хочешь устроить вечеринку? – улыбаюсь я.

Но Ноэль качает головой, оставаясь серьезным. Это немного на него не похоже.

– Да, но не совсем.

– Я запутался. Объясни.

Ноэль останавливается и хитро смотрит на меня.

* * *

Мы с Робом вместе падаем на лед, когда он неудачно пы-

⁶ Американская компания, управляющая сетью магазинов розничной торговли, работающих под марками Target и SuperTarget.

тается отнять у меня шайбу, которую я уверенно веду к воротам.

– Черт, – пыхтит Роб, поднявшись и подав мне руку.

Я указываю пальцем на пустое пространство.

– В штраф-бокс⁷!

Роб смеется, пихнув меня, и катится спиной вперед.

– Засранец, – бурчу под нос и следуя за ним.

Мы уже час убиваем время на катке. Сейчас каникулы, большинство одноклассников разъехались, так что мы по большей части не знаем, чем заняться. Мы уже порубились в приставку у меня дома, поели блинчиков в «Маки», а в кинотеатре ничего интересного не показывают.

– Если бы у нас были девушки, мы бы не страдали хренью, – говорит Роб, снимая коньки.

Сажусь рядом, расшнуровывая свои.

– Ага.

– Ноэль с Роуз?

– Нет, он дома.

Роб некоторое время молчит.

– Да, я бы тоже от нее не отходил.

Он явно не про Роуз. Внутри меня что-то сжимается. Я напрягаюсь всем телом, и Роб это замечает.

– Эй, я не это имел в виду.

– Все в порядке. Я понимаю, о чем ты.

Это все еще неловкая тема. И я не знаю, когда это прекра-

⁷ Место, куда отправляют игроков, нарушивших правила.

тится.

– Мне пора. – Робу едва удастся скрыть печаль. – Обещал маме вернуться пораньше.

Мне сложно представить ситуацию, в которой он находится. Не знаю, как предложить свою помощь, ведь людям неприятно, когда их жалеют. Чем я вообще мог бы помочь?

– Если что-то нужно... – Я как идиот качаю головой.

Роб расплывается в глуповатой улыбке.

– Я понял. – Он хлопает меня по плечу, и мы вместе идем к машине.

* * *

Я любил каникулы, когда был младше и жил в Онтарио, но сейчас это даже скучно. Мне нравится в Досон-Крик, но здесь так тихо, что от скуки я даже слежу за тем, как обновляются приложения в моем телефоне. И все это во время рождественских праздников, с Ноэлем в городе.

Он мало говорил об их разговоре с Эйв, но самую важную часть я понял. Они помирились. Это может показаться слишком наивным, но я на сто процентов уверен, что теперь у нее все будет хорошо. За эти три дня, что Ноэль был дома, мы виделись лишь пару раз. Вчера он сказал, что хочет устроить «не совсем вечеринку» на Новый год, и теперь я в предвкушении.

Отец находит мне занятие, попросив расчистить подъезд-

ную дорожку. Натягиваю теплую клетчатую рубашку, высокие ботинки и шапку. Лопата для уборки снега совсем не пострадала от моего недавнего срыва, так что не придется в срочном порядке бегать по городу и наткаться на закрытые магазины.

После нескольких минут работы мне уже становится жарко и я решаю снять рубашку, но вдруг чувствую в кармане вибрацию телефона.

Ноэль:

Ты свободен?

Я:

Чищу дорожки.

Ноэль:

Не поверишь, я тоже.

Я:

Чертов снег.

Ноэль:

Ага.

Я:

Будем говорить о погоде?

Мне приходит стикер со средним пальцем. Приснув, посылаю такой же.

Ноэль:

Вообще-то, я хотел тебе кое-что предложить.

Я:

Валяй. Умираю со скуки.

Ноэль:

Как освободишься, сразу поезжай ко мне.

Я:

Ок.

Через полчаса я уже на пути к дому Хейзов. У меня в голове все еще творится полная неразбериха. Она связана с тем, что я хочу и в то же время опасаясь видаться с Эйв. И если в первом случае причина предельно ясна, то во втором – это стыд.

Но сегодня мне, похоже, не придется все это испытывать, потому что вижу Ноэля возле дома. Они с Ноем бросаются друг в друга снежками и, когда замечают меня, подходят ближе к обочине, где я останавливаюсь.

– Привет, – открыв окно, с улыбкой говорю я.

Ной улыбается от уха до уха.

– Привет. Я еду с вами.

Удивленно приподнимаю брови.

– А куда мы едем?

Ноэль жестом указывает брату залезть на заднее сиденье и пристегнуться. Пока он садится, бросаю быстрый взгляд на окно на втором этаже.

– Так какие у нас планы? – положив руки на руль, говорю я.

– Прокатимся до фермы, – отвечает Ноэль.

Недоуменно смотрю на друга.

– Зачем? Тебе нужна машина в Эдмонтоне?

Ной смеется.

– Умник, – фыркает Ноэль. – Нам нужен небольшой инвентарь для того, что я затеял.

– Тогда веди ты. – Я отстегиваю ремень.

– Ты не помнишь, где ферма? – недоумевает Ноэль.

– Нет, но мне нельзя перевозить более одного пассажира, который не является родственником.

Ноэль смеется и откидывается на сиденье.

– Ты серьезно? Нам проехать вниз от шоссе.

Но я упорно качаю головой и вылезаю из машины.

– Ты был круче в прошлом году, – продолжает подкалывать Ноэль, когда мы меняемся местами. – Мы же катались втроем.

– Пару раз, – парирую я. – И да, я стал немного скучным.

– Немного? Не льсти себе. Ты зануда.

Бью его кулаком в плечо и подмигиваю Ною, который смеется над нами и просит Ноэля заехать за мороженым.

– Хелен меня убьет, если узнает, что я купил тебе мороженое перед ужином, – сопротивляется Ноэль.

Но Ной непреклонен.

– Откуда она узнает?

– Оттуда! Узнает, поверь мне. Ты проколешься.

– Ни хрена!

– Эй! – Ноэль бросает грозный взгляд на брата. – Вы тут совсем без меня офиг... обнаглели. Не смей ругаться.

Ной поджимает губы и хмурится.

– Может, «Орео»? – предлагаю альтернативу я.

Братья дружно кивают. Ну вот и супер. Купив печенье, мы едем по трассе, которая ведет на Аляску, но до нее еще очень далеко. За пределами города начинаются бескрайние поля, покрытые тонким слоем снега. Далекие точки – это фермы, окружающие город с одной стороны. По большей части все вокруг кажется унылым.

– Кстати, – очень тихо произносит Ноэль. – Спасибо. – Он смотрит в зеркало заднего вида на Ноя, который занят печеньем.

Я догадываюсь, о чем он.

– Не стоит. Мы подружались.

Ноэль коротко кивает.

– Ага. Круто. И все же... ему нужно было, чтобы кто-то находился рядом. Ну, сам понимаешь. Папа и Хелен на работе, меня нет, а Эйв...

– Я понимаю.

Мы несколько минут молчим. На горизонте появляется водонапорная башня. Ноэль сбавляет скорость, когда мы приближаемся к старой покосившейся табличке «Ферма Хиттера».

– Я мог бы догадаться, что мы едем к Харви.

Ноэль смеется.

– Что мы здесь будем делать? – спрашивает Ной, выглядывая в окно.

– Кое-что попросим. Или купим.

Бросаю косой взгляд на друга.

– Надеюсь, не как в прошлый раз?

Ноэль снова прыскает.

– Нет, зануда. Расслабься.

Когда «Форд» въезжает за деревянные ворота, его окружают несколько собак. На пороге двухэтажного старого дома стоит мужчина в почти такой же клетчатой рубашке, как у меня, только на вид ей лет двадцать.

– Отлично, – заявляю я. – Мы приехали в гости к Харви.

Глава 7

Эйвери

В приемной доктора Бордмана никого нет. Наверное, у его помощницы выходной. Все-таки рождественские праздники. Док открывает дверь кабинета и жестом приглашает меня войти.

– Здравствуй, Эйвери.

– Здравствуйте, док.

Мы как обычно устраиваемся друг напротив друга. Я опускаю глаза на его ноги. Носки снова разные.

– Как ты себя чувствуешь?

Поворачиваюсь к окну. Сегодня на удивление тихая и безветренная погода.

– Хорошо. А как вы?

Он удивляется моему встречному вопросу.

– Я тоже. Выглядишь намного лучше, у тебя правда все хорошо?

Пожимаю плечами.

– Ну, я так и сказала.

– Раньше ты лгала.

Вздыхнув, подпираю рукой подбородок.

– Да, но сейчас все меняется.

– Ты не покрасила волосы, – с укором произносит доктор Бордман.

Сняв капюшон, оттягиваю прядь длинных бледно-бирюзовых волос.

– А, да... Но я скоро покрашу.

– Умница. – Он что-то пишет на планшете. – Хочешь поговорить?

– О чем?

– Ноэль вернулся.

Наверняка ему сказал папа, иначе откуда он мог узнать?

– Да, мы помирились.

Имя брата больше не приносит мне боли. За эти несколько дней, что он дома, я стала глубже дышать. Его прощение и улыбка стали тем глотком свободы, которой мне так не хватало. Да, я готова признать: это сбросило большую часть моих страхов и переживаний, но... что-то еще осталось. Я не могу не винить себя за то, что сделала. Мне по-прежнему нужно со многим справиться, и Ноэль никак в этом не поможет. Я должна сделать все сама.

– Прощение твоего брата было важной частью. Но теперь готова ли ты к тому, чтобы двигаться дальше?

Смотрю в темные глаза доктора Бордмана и киваю.

– Думаю, да.

Мы беседуем еще сорок минут, и я даже не знаю, кто из нас говорит больше. Раньше мои ответы были простыми и

односложными. Но теперь мне стало проще делиться своими мыслями.

Когда я сажусь в машину, папа включает зажигание.

– Ну, как все прошло, детка?

– Как всегда, – отвечаю, не глядя на него, и пристегиваюсь.

Со вздохом папа выезжает на дорогу. Пару минут мы едем в тишине.

– Может, нам стоит поговорить о том, что ты видела? – наконец произносит он.

Я съеживаюсь. Хватит на сегодня с меня разговоров. И вообще мне неприятно вспоминать о том, что они с мамой...

Боже.

– Нет, не хочу.

– Эйви, мне хочется, чтобы ты меня поняла.

– В том-то и проблема, – резко говорю я, – что никогда тебя не пойму. И ты меня. Мы просто должны принять то, что вы сделали. Нет смысла пытаться что-то доказать и обнажать свои чувства. Ты все равно будешь думать: «Зачем она это сделала? У нее не было причин», а я буду думать: «Почему он так поступил? Ведь у него уже есть другая семья, которую он любит». Мы в любом случае не поймем друг друга, пап, – повторяю я.

Может, я не права, но в этом есть смысл. Чем глубже будешь копаться и пытаться понять, тем меньше шансов забыть и идти дальше. Я не хочу, чтобы меня кто-то понимал, потому что это невозможно. Я хочу, чтобы люди приняли это

и больше не сторонились меня. И в ответ я обязана сделать так же. В случае своих родителей уж точно.

Какое-то время папа молчит, видимо, переваривая мои слова.

– Ты права, – тихо говорит он. – Давай двигаться дальше.

Кивнув, я кутаюсь в куртку. Мы снова погружаемся в недолгое молчание.

– Ты разговаривала с мамой?

Поворачиваю голову к отцу.

– Нет. Мои слова не значат, что я вот так просто закрою на все глаза. Мне сложно с ней говорить.

Он вздыхает.

– И с тобой тоже, – тихо добавляю я.

Снова тяжелый вздох.

На все нужно время. И на это тоже.

Думаю, на моем лице все написано, потому что папа не продолжает разговор. Он часто смотрит на телефон, а затем предлагает заехать в продуктовый магазин. Его нет очень долго, и когда он возвращается, мы снова едем и проезжаем улицу, на которой теперь живет Мел.

– Разве мы не собирались встречать Новый год с Мел и Райаном? – удивленно спрашиваю я.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.